

Саманта

Джулия Куин

Тысяча
поцелуев



Джулия Куин
Тысяча поцелуев
Серия «Квартет Смайт-
СМИТОВ», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19405348
Куин, Джулия. Тысяча поцелуев : [роман]: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-092958-0

Аннотация

Сара Плейнсуорт готова на многое ради любимой кухни, но быть милой с Хью Прентисом – это уж слишком. Разве не его пьяная выходка привела к безобразному скандалу, который едва не разрушил ее семью, а ей самой стоил крушения всех надежд на хорошую партию?

Сара едва сдерживает гнев, а Хью совершенно спокоен и, словно нарочно, постоянно оказывается рядом. Чего же он хочет, этот ужасный человек? Довести девушку до белого каления? А может, Хью просто хорошо понимает, что порой от ненависти до любви – только шаг, и рассчитывает превратить огонь ярости в пламя любви?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	31
Глава 2	53
Глава 3	68
Глава 4	80
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Джулия Куин

Тысяча поцелуев

Julia Quinn

THE SUM OF ALL KISSES

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Rowland & Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

© Julie Cotler Pottinger, 2013

© Перевод. Т.А. Перцева, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Пролог

Весна 1821 года

Лондон, за полночь

– Пикет требует хорошей памяти, – заметил граф Чаттерис, ни к кому в особенности не обращаясь.

Лорд Хью Прентис не слышал его, потому что сидел слишком далеко, за столиком у окна, и, что еще важнее, был изрядно пьян, но если бы слышал и был трезв, то непременно подумал бы: «Именно поэтому я и играю в пикет».

Вслух, конечно, он бы этого не сказал: Хью не из тех, кто сотрясает воздух попусту, – но подумать-то можно. Изменилось бы и выражение его лица: дернулся бы уголок губ, изогнулась бы правая бровь – едва-едва, – но для внимательного наблюдателя этого было бы достаточно, чтобы посчитать его снобом.

Хотя, честно говоря, в лондонском обществе явно не хватало внимательных наблюдателей.

Если не считать Хью.

Хью Прентис замечал все. И помнил все. Если бы захотел, мог бы пересказать наизусть «Ромео и Джульетту». Слово в слово. И «Гамлета» тоже. Вот «Юлия Цезаря» – нет, но только потому, что никак не мог выбрать время его прочитать.

Этот редкий талант Хью обнаружил в себе, после того как

не раз был наказан за постоянные обманы учителей в первые два месяца пребывания в Итоне. Он скоро сообразил, что жизнь делается намного легче, если намеренно ответить неправильно на пару вопросов в контрольных работах. Не то чтобы он так уж сильно протестовал против обвинения в жульничестве – знал, что никого не обманывал, и плевать хотел на то, что окружающие об этом думают, – но его крайне раздражало, что приходится стоять перед учителями и выплевывать информацию, пока они не удостоверятся в его невиновности.

В чем его память действительно была незаменима, так это в картах. Будучи младшим сыном маркиза Рамсгейта, Хью знал, что не унаследует ничего. Как правило, младшие сыновья поступали в армию, становились священнослужителями или присоединялись к охотникам за богатыми невестами. Поскольку у Хью не было стремления заниматься чем-то подобным, придется искать другие средства существования. А играть было так легко, особенно когда у тебя способности запоминать любую выпавшую карту – в определенном порядке...

Правда, последнее время стало труднее находить джентльменов, готовых с ним играть: уникальный талант картежника, присущий Хью, стал чем-то вроде легенды, – но если молодые люди достаточно выпили, то все же пытались. Каждому ведь хотелось стать первым, кто выиграет у Хью Прентиса.

Проблема заключалась в том, что сегодня вечером Хью тоже был довольно пьян. Это случилось не так часто: он старался не терять самоконтроль, поэтому не пил больше двух бокалов вина, – но сегодня встреча с друзьями проходила в низкопробном кабаке, где пинты пива следовали одна за другой, посетители громко переговаривались, а полногрудые женщины были необычайно игривы.

К тому времени как они добрались до клуба и им принесли карточные колоды, Дэниел Смайт-Смит, недавно получивший титул графа Уинстеда, был тоже пьян и красочно описывал трактирную служанку, с которой только что переспал. Чарлз Данвуди клялся вернуться назад и превзойти искусство Дэниела, и даже Маркус Холройд, молодой граф Чаттерис, который всегда был чуть серьезнее других, смеялся так, что едва не свалился со стула.

Девица Дэниела Хью не заинтересовала – куда предпочтительнее своя служанка, не такая дородная и куда более гибкая, – поэтому он только ухмыльнулся, когда друзья потребовали подробности. Разумеется, он помнил каждый дюйм ее тела, но хвастаться своими похождениями не собирался.

– На этот раз я вас побью, Прентис! – самонадеянно заявил Дэниел и чуть не рухнул на стол.

– Ради бога, Смайт, – простонал Маркус, – не начинайте!

– Нет-нет, я сумею! – с пьяным упрямством воскликнул Дэниел и, рассмеявшись, потряс пальцем в воздухе, отчего едва не потерял равновесие. – Именно сегодня!

– Он может! – поддержал его Чарлз Данвуди. – Я знаю, он может!

Никто не принял его заявление всерьез – даже будучи трезвым, Чарлз Данвуди «знал» много такого, что никак не могло оказаться правдой.

– Вот увидите, я смогу, – настаивал Смайт-Смит, указывая пальцем в сторону Хью. – Потому что вы много выпили.

– Ну, до вас ему далеко, – заметил Маркус, икнув.

– Нет, я считал! – объявил Дэниел. – Он выпил больше.

– Все равно больше всех я! – похвастался Данвуди.

– В таком случае вы определенно должны играть, – обрадовался Дэниел.

Игра началась. Подали вино. Все прекрасно себя чувствовали, до тех пор пока... Дэниел не выиграл.

Хью удивленно заморгал, уставившись на карты на столе.

– Я выиграл, – констатировал Дэниел почти с благоговением. – Взгляните только!

Хью мысленно перебрал все карты в колоде, игнорируя тот факт, что некоторые расплывались в глазах, что для него было совершенно нехарактерно.

– Я выиграл, – повторил Дэниел, на этот раз Маркусу, своему ближайшему другу.

– Нет, – пробормотал Хью, больше себе, чем окружающим, – это невозможно... просто невозможно.

Он никогда не проигрывал. Ночью, когда пытался заснуть, когда пытался не слушать, в мозгу сами собой возникали все

карты, которые выпали за день, даже за неделю.

– Я сам не пойму, как это получилось, – заплетающимся языком пробормотал Дэниел. – Король, потом семерка, и я...

– Не семерка, а туз! – отрезал Хью, не в силах больше ни секунды выслушивать весь этот идиотизм.

– Хм... – хлопнул глазами Дэниел. – Может, и так.

– Боже! – не выдержал Хью. – Кто-нибудь, заткните его!

Ему нужна тишина, чтобы сосредоточиться и вспомнить карты. Если бы только получилось, все бы ушло, как в то время, когда они с Фредди поздно приходили домой и отец уже ждал с...

Нет-нет-нет.

Это нечто другое. Это карты. Пикет. Он никогда не проигрывает – это единственное, на что можно твердо рассчитывать.

Данвуди почесал в затылке, глянул на карты и стал громко считать, а потом вдруг воскликнул:

– Господа, я думаю, он...

– Уинстед, ты чертов шулер! – завопил Хью.

Слова эти вылетели будто сами собой: непонятно, откуда взялись и что заставило их произнести, – но, вырвавшись на волю, они наполнили воздух, злобно жужжа над столами.

Хью начало трясти.

– Нет... – обронил Дэниел.

И только. Руки, правда, у него ходили ходуном, а лицо выражало недоумение, озадаченность, словно... Но Хью не

хотел думать об этом, не мог, поэтому вскочил, перевернув стол и цепляясь за единственную мысль в полной уверенности, что это правда: он никогда не проигрывает...

– Я не мошенничал, – оправдывался Дэниел, часто моргая. – Верите? Я никогда не мошенничаю.

Нет, Хью не верил: он просто должен был смошенничать! Он снова принялся перебирать в памяти карты, игнорируя тот факт, что валет размахивал настоящей дубинкой и гонялся за десяткой, которая пила вино из бокала, очень похожего на тот, что недавно разлетелся у его ног...

Хью вдруг осознал, что кричит, хотя понятия не имел, что именно. Червонная королева споткнулась... триста шесть на сорок два – двенадцать тысяч восемьсот пятьдесят два... Вино расплескалось по всему полу, а Дэниел стоял столбом и только повторял:

– О чем это он?

– Ты никак не мог получить туза! – прошипел Хью.

Туз вышел за валетом, за ним следовала десятка...

– Но получил, – пожал плечами Дэниел, рыгнув.

– Ты не мог! – отрезал Хью, покачиваясь, чтобы сохранить равновесие. – Я знаю все карты в колоде.

Дэниел глянул вниз, на карты. Хью смотрел на королеву бубен, с шеи которой капала мадера. Как кровь.

– Поразительно... – пробормотал Дэниел, глядя на Хью в упор. – Я выиграл. Подумать только.

Он издевается, что ли?! Неужели Дэниел Смайт-Смит, та-

кой уязвимый граф Уинстед, издевается над ним?

– Я требую сатисфакции! – прорычал Хью.

Дэниел удивленно вскинул голову:

– Что?!

– Назовите ваших секундантов.

– Вы меня вызвали на дуэль?

Дэниел, не веря собственным ушам, повернулся к Маркусу:

– По-моему, он бросил мне вызов.

– Дэниел, заткнитесь! – простонал тот, моментально протрезвев.

Но Смайт-Смит отмахнулся от него и воскликнул:

– Хью, не будьте ослом!

Все, терпение лопнуло! Хью не раздумывая ринулся вперед. Дэниел попытался отскочить в сторону, но не успел, так что оба рухнули на пол. Ножка стола впилась Хью в бедро, чего он даже не почувствовал, потому что награждал Дэниела ударами: один, другой, третий, четвертый... – пока чьи-то руки не оттащили его, едва удерживая на месте.

– Проклятый мошенник! – не мог успокоиться Хью.

– Вы идиот! – парировал Дэниел, стряхивая с лица капли крови.

– Я требую сатисфакции.

– О нет, не вы, – прошипел Дэниел. – Это я требую сатисфакции!

– «Пэтч оф грин»? – холодно спросил Хью.

– На рассвете.

Воцарилось напряженное молчание: все ждали, пока кто-то из ссорившихся одумается.

Но они, конечно же, не одумались.

Хью улыбнулся, чувствуя, как растягиваются губы. И когда он смотрел на Дэниела, видел лицо другого человека.

– Так тому и быть.

– Вовсе не обязательно было так уж... кардинально, – с гримасой заметил Чарлз Данвуди, заканчивая осмотр пистолета.

Хью не потрудился ответить: слишком уж болела голова.

– То есть я верю, что он смошенничал, должен был смошенничать, поскольку... видите ли, вы – это вы, а вы всегда выигрываете. Не знаю, как это вам удастся, но что есть, то есть.

Хью едва шевельнул головой, но глаза описали медленную дугу в направлении лица Данвуди. Неужели он смеет обвинять в мошенничестве его?

– Думаю, все дело в математике, – продолжал разглагольствовать Данвуди, не обращая внимания на сардоническую гримасу Хью. – Вы в ней выше всяческих похвал...

Приятно. Всегда приятно, когда тебя хвалят – не важно, за что.

– ...и я точно знаю, что вы никогда не ошибались. Видит Бог, мы достаточно вас проверяли в школе. – Данвуди вне-

запно нахмурился: – Как вы это делаете?

Хью ответил бесстрастным голосом:

– Вы спрашиваете меня об этом сейчас?

– О... нет. Конечно, нет!

Данвуди откашлялся и отступил. К ним направлялся Маркус Холройд – возможно, с намерением попытаться предотвратить дуэль. Хью наблюдал, как сапоги Маркуса отмеряют шаги по мокрой траве. Левой ногой он ступал шире, чем правой, хотя и ненамного. Возможно, еще пятнадцать шагов – и он окажется перед ними, или шестнадцать, если обнаглеть и попытается вторгнуться в их пространство.

Нет, Хью в нем не ошибся: Маркус остановился на пятнадцатом шаге.

Маркус и Данвуди обменялись пистолетами для осмотра, а Хью слушал болтливую хирурга, рядом с которым стоял.

– Прямо сюда, – делился познаниями хирург, хлопая себя по верхней части бедра. – Я видел, как это бывает. Бедренная артерия. Истекаешь кровью, как зарезанная свинья.

Хью не ответил ему, потому что не собирался убивать Дэниела. У него было время обдумать ситуацию, и хоть злость не исчезла, причин лишать его жизни он не видел.

– Но если хотите действительно причинить боль, – продолжал разглагольствовать хирург, – не ошибетесь, если прострелите руку или ногу: там чертовски много нервов. Ведь не собираетесь же вы прикончить его? А конечности – нормально, далеко от важных органов.

Хью очень хорошо умел пропускать слова мимо ушей, но тут сдержаться не смог:

– То есть руки, по-вашему, не важны?

Врач провел языком по зубам, причмокнул, будто пытался вытащить застрявшие между зубами остатки пищи, и пожал плечами:

– Ну не сердце же...

Что тут скажешь – он прав, и это страшно раздражало Хью: он ненавидел, когда кто-то ему неприятный оказывался прав. Но должна же быть у этого идиота хоть капля здравого смысла, чтобы заткнуться, черт возьми...

– Только не цельтесь в голову, – не думал замолкать хирург. – Никому не нужно, чтобы пошли разговоры. Да и стоит это представить: мозги разбрызганы по земле, лицо изуродовано... фу! А каково на это смотреть в гробу?

– Где взяли это чудовище? – не выдержал Маркус.

Хью кивнул в сторону Данвуди:

– Это он нашел.

– А чем вы недовольны? Я цирюльник, – возмутился лекарь.

Маркус покачал головой и направился к Дэниелу.

– Приготовьтесь, джентльмены.

Хью так и не понял, кто отдал приказ: скорее всего кто-то знавший о дуэли и решивший покрасоваться перед остальными. Позже в Лондоне именно это было доказательством: «Я сам видел!»

– Готовьтесь!

Хью поднял руку и прицелился – на три дюйма правее плеча соперника.

– Один.

Господи, он и забыл о счете!

– Два!

В груди у него все сжалось. Счет. Вопли. Первый раз в жизни цифры стали его врагом. Голос отца, торжествующий, хриплый... и Хью, пытавшийся не слушать...

– Три!

Хью сжался.

И нажал курок.

– Ааааааауууууаааааааа!

Хью удивленно воззрился на Дэниела.

– Проклятье, вы меня подстрелили! – взвыл Смайт, хватаясь за плечо, белая рубашка на котором быстро краснела.

Нет, Хью целился в сторону, да и расстояние слишком незначительное и стрелок он хороший, просто превосходный.

– О Иисусе, – пробормотал хирург и бросился бежать.

– Вы его ранили! – ахнул Данвуди. – Почему?

У Хью не было слов. Дэниел ранен – возможно, смертельно, и выстрелил в него он, сам, никто его не заставлял.

Когда Дэниел поднял окровавленную руку, Хью вскрикнул, ощутив, как рвется плоть на его бедре.

Почему ему показалось, что он слышал выстрел до то-

го, как Дэниел нажал на спусковой крючок? Он знал, что это неправильно. Если сэр Исаак Ньютон не ошибается, скорость звука – девятьсот семьдесят девять футов в секунду. Хью стоял приблизительно в двадцати футах от Дэниела, а это означает, что скорость пули...

Он все обдумал, просчитал, но так и не смог найти ответа.

– Хью! Хью! – донесся до него всполошенный голос Данвуди. – Вы в порядке?

Хью пытался разглядеть расплывавшееся перед глазами лицо Чарлза. Если он смотрит снизу вверх – значит, лежит на земле.

Хью несколько раз моргнул, стараясь сфокусировать взгляд. Может, он все еще пьян, не протрезвел после вчерашнего?

Нет, он не пьян. Во всяком случае, не слишком. Зато ранен – или, по крайней мере, так считает. Похоже, в него попала пуля, хотя теперь уже не так больно. Все же это объясняет, почему он лежит на земле.

Хью сглотнул. Почему так трудно дышать? Разве его ранили не в ногу? Если только ранили... Он по-прежнему не совсем понимал, что произошло.

– О господи! – раздался новый голос.

Маркус Холройд. Дышит тяжело. Лицо посерело.

– Надавите на ногу! – пролаял хирург. – И осторожнее с этой костью.

Хью попробовал что-то сказать.

– Жгут, – сказал кто-то. – Разве не нужно наложить жгут?
Хью сделал еще одну попытку.

– Не тратьте силы, – велел Маркус, взяв его за руку.

– Только не засыпайте! – лихорадочно бормотал Данвуди. – Держите глаза открытыми.

– Бедро! – прокаркал Хью.

– Что?

– Скажите хирургу...

Хью осекся, хватая ртом воздух.

– Бедро. Кровь как из зарезанной свиньи.

– О чем он? – удивился Маркус.

– Я... я... – Данвуди пытался выдавить хоть слово, но оно постоянно застревало в горле.

– Что? – вырвалось у Маркуса.

Хью глянул на Данвуди: он был бледен как полотно.

– Кажется, еще и шутить пытается.

– Боже!

Маркус грубо выругался и снова повернулся к Хью, но тот не смог определить выражение его лица.

– Ты просто упрямец... Еще и шутит!

– Не заплачьте, – предупредил Хью, поскольку у Данвуди дрожал голос – того и гляди разрыдается.

– Ту же! – приказал кто-то, и Хью почувствовал, как его дергают за ногу, затем сильно сдавливают.

– Вам лучше оставаться в стороне... – раздался голос Маркуса.

И на этом все. Темнота.

Очнулся Хью уже в постели. Было темно. Неужели прошел целый день? Или даже не один? Дуэль состоялась на рассвете. Небо было розовым...

– Хью?

Фредди? Что здесь делает Фредди? Он не мог вспомнить, когда в последний раз брат переступал порог отцовского дома. Хью хотел откликнуться, произнести его имя, объяснить, как счастлив его видеть, но в горле ужасно пересохло.

– Не пытайся говорить, – предупредил Фредди и наклонился к нему.

Горели свечи, и светловолосая голова брата казалась золотой. Они всегда были похожи куда больше, чем многие братья. Фредди был чуть ниже ростом, стройнее, светлее, зато с такими же, как у него, зелеными глазами и таким угловатом лицом. Да и улыбка у них была одна и та же.

– Сейчас напою тебя. – Фредди осторожно поднес ложку ко рту Хью и стал по капельке вливать воду.

– Еще, – прохрипел Хью. Вся вода впиталась в его пересохший язык, так что даже сглотнуть было нечего.

Фредди дал ему еще несколько ложек воды, но потом сказал:

– Пожалуй, хватит: слишком много сразу вредно.

Хью почему-то согласился с ним и кивнул.

– Очень больно?

Было очень больно, и у Хью возникло странное ощущение

ние, что до того, как Фредди спросил, болело не так сильно.

– Она все еще на месте, знаешь ли, – сообщил Фредди, показывая на изножье кровати. – Я имею в виду твою ногу.

Конечно, на месте: иначе откуда эта адская боль? Где же ей еще быть...

– Иногда люди ощущают боль, даже когда теряют конечность, – нервно выпалил Фредди. – Это называется «фантомные боли». Я читал об этом, только не помню когда....

В таком случае это, возможно, правда. Память у Фредди была почти такой же хорошей, как у Хью, только ему лучше давались естественные науки – биология, например. Будучи ребенком, он все время шлялся по окрестностям, копался в грязи, выискивая нужные образцы. Хью пытался несколько раз составить ему компанию, но это оказалось чертовски скучно.

Он очень быстро понял, что интерес к шмелям не увеличивается с возрастанием количества шмелей. То же касается и лягушек.

– Отец внизу, – предупредил Фредди.

Хью хотел было кивнуть, но ему это не удалось, поэтому просто закрыл глаза.

– Мне стоило бы принять его...

Сказано это было неубедительно, и Фредди махнул рукой:

– Не нужно.

Минуту-другую братья молчали, потом Фредди встрепенулся:

– Вот, выпей еще воды. Ты потерял много крови, поэтому так слаб.

Хью проглотил еще несколько ложек – боль в горле была адской.

– У тебя перелом бедренной кости. Доктор сказал, что она раздроблена. – Фредди откашлялся. – Боюсь, ты застрял здесь надолго. Бедренная кость самая крупная – понадобится несколько месяцев, чтобы она срослась.

Фредди врет – слышно по голосу, – а это означает, что на выздоровление уйдет гораздо больше времени. Не исключено, что нога вообще не срастется и он останется калекой. Вот будет забавно...

– Какой сегодня день? – прохрипел Хью.

– Ты лежал без сознания трое суток, – ответил Фредди, правильно истолковав вопрос.

– Трое суток!.. – в ужасе повторил Хью. – Господи боже!

– Я приехал вчера – меня Корвилл уведомил.

Хью снова попытался кивнуть: вполне естественно, что именно дворецкий дал Фредди знать о ранении брата.

– Как там Дэниел? – спросил Хью.

– Лорд Уинстед? – Фредди помялся. – Его нет.

Глаза Хью широко раскрылись.

– Нет-нет, ты не так понял: он не мертв, – поспешил заверить брата Фредди. – Плечо повреждено, но ничего страшного – поправится. Просто покинул Англию, вот и все. Отец пытался добиться его ареста, но тогда ты еще не был мертв...

«Еще»! Забавно.

– А потом... честно говоря, не знаю, что отец ему сказал. Он приехал повидать тебя на следующий день после случившегося. Меня не было, но Корвилл говорил, что Уинстед пытался извиниться, а отец ничего не пожелал слышать. Ты же его знаешь... – Фредди неловко откашлялся. – По-моему, лорд Уинстед отправился во Францию.

– Ему следовало бы вернуться, – прохрипел Хью. – Он не виноват: дуэль затеял я.

– По этому поводу тебе лучше потолковать с отцом, – пробормотал Фредди. – Я слышал, он намерен выследить и арестовать Уинстеда.

– Во Франции?!

– Я даже не пытался его урезонить.

– Ну разумеется.

Да и кто может урезонить сумасшедшего?

– Все думали, что ты при смерти, – пояснил Фредди.

Понятно. И это самое ужасное.

Маркиз Рамсгейт не мог выбирать наследника: право первородства обязывало его передать титул, земли, состояние – словом, практически все, что входило в майорат, – Фредди, но все знали, что если бы выбор был, то он предпочел бы Хью.

Фредди в свои двадцать семь еще не был женат. Хью хоть и надеялся, что брат когда-нибудь женится, но знал, что ни одна женщина в мире не сможет привлечь его внимание, и

принимал это. Не понимал, но принимал. Как было бы хорошо, если бы брат тоже сознавал, что все еще может жениться, исполнить свой долг и снять тяжкое бремя с плеч Хью. Наверняка есть женщины, которые будут счастливы, если муж перестанет посещать их спальню после рождения наследника.

Маркиз Рамсгейт преисполнился такого отвращения, что велел Фредди не трудиться подыскивать невесту. Титул, конечно, несколько лет будет ему принадлежать, но, как и планировалось, в конце концов перейдет к Хью и его детям.

Правда, особой любви со стороны отца Хью тоже не чувствовал. Лорд Рамсгейт был не единственным аристократом, считавшим, что заботиться о детях необязательно. Хью казался ему лучшим наследником – значит, так тому и быть.

– Хочешь несколько капель опия? – резко сменил тему Фредди. – Доктор велел дать тебе немного, если очнешься. «Если». Куда менее забавно, чем «еще».

Хью согласился и позволил старшему брату помочь ему чуть приподняться и облокотиться на подушки.

– Какая мерзость!

Он протянул пустую чашку Фредди, и тот сказал:

– Виски. Опий растворен в алкоголе.

– Как раз то, что мне нужно: алкоголь, – пробормотал Хью.

– Прости, не понял?

Хью молча помотал головой.

– Я рад, что ты очнулся, – сказал Фредди таким тоном, что Хью в недоумении взглянул на него и заметил, что брат не занял свое место возле постели, а остался стоять. – Попрошу Корвилла сказать об этом отцу – сам предпочитаю с ним не общаться, знаешь ли, без лишней надобности...

– Конечно.

Хью понимал, что Фредди всячески избегает отца, как избегал всегда и он сам, но кто-то ведь должен был иметь дело со старым ублюдком, хотя бы иногда, и оба знали, что этот крест придется нести Хью. То обстоятельство, что Фредди приехал сюда, в их старый дом рядом с Сент-Джеймским дворцом, было свидетельством любви к брату.

– Увидимся завтра, – пообещал Фредди, остановившись у двери.

– Ты вовсе не обязан нянчиться со мной, – сказал Хью.

Фредди поморщился и отвел глаза.

– Тогда, возможно, послезавтра.

Или после-послезавтра. Хью не осудит брата, если тот вообще не придет.

Должно быть, Фредди велел дворецкому подождать с уведомлением маркиза о переменах в состоянии Хью, потому что прошел почти весь день, прежде чем лорд Рамсгейт ворвался в комнату и пролаял:

– Ты очнулся!

Поразительно, но даже эти невинные слова из его уст зву-

чали обвинением.

– Ты чертов идиот! – прошипел Рамсгейт. – Едва не позволил убить себя! И ради чего? Ради чего?!

– Я тоже счастлив видеть тебя, отец.

Хью уже смог сесть, и нога в шине и бинтах высывалась из-под одеяла, похожая на бревно. С маркизом Рамсгейтом всегда нужно держать ухо востро и не выказывать слабости, поэтому он старался говорить бодрым голосом.

Отец брезгливо поморщился, но проигнорировал сарказм.

– Ты мог умереть.

– Я уже это понял.

– Полагаешь, это смешно?! – рявкнул маркиз.

– Да нет, не думаю.

– Тебе прекрасно известно, чем грозила бы семье твоя смерть!

Хью как ни в чем не бывало улыбнулся.

– Я действительно размышлял на эту тему, но разве кому-то дано знать, что произойдет после смерти?

Боже, какое удовольствие наблюдать, как отцовское лицо распухает и медленно багровеет! Главное, чтобы плевать не начал!

– Неужели ты не способен хоть что-нибудь воспринимать всерьез? – взорвался маркиз.

– Ну почему же, очень даже способен... Но только не это.

Лорд Рамсгейт со свистом втянул воздух, сотрясаясь от

ярости всем телом.

– Мы оба знаем, что твой брат никогда не женится.

– А, так вот в чем дело? – изобразил удивление Хью.

– Я не допущу, чтобы титул ушел из семьи.

Хью сопровождал очередной взрыв идеально выдержанной паузой, после чего сказал:

– Что ни говори, но кузен Роберт не так уж и плох. Его даже приняли обратно в Оксфорд, – во всяком случае, в первый раз.

– Так вот что ты задумал! – выкрикнул маркиз. – Ввязался в эту дуэль мне назло?!

– Мне всегда казалось, что я могу вызвать твой гнев куда меньшими усилиями и с гораздо более приятным исходом для себя.

– Если хочешь от меня избавиться, воспользуйся другим способом, – пробурчал лорд Рамсгейт.

– Убить тебя?

– Да будь ты проклят!

– Если бы я знал, что все так просто...

– Только женись сначала на какой-нибудь дурочке и дай мне наследника!

– Ну зачем на дурочке? – сказал Хью с ошеломляющим спокойствием. – Я предпочел бы, чтобы она была не только красавицей, но и умницей.

Отца трясло от ярости, и он не сразу обрел дар речи:

– Мне нужно точно знать, что титул останется в семье.

– Я не давал обет безбрачия, – заметил Хью и сам удивился сказанному. – Но и жениться по твоему расписанию не собираюсь. Кроме того, я не наследник.

– Фредерик...

– ...вполне еще может жениться, – вставил Хью, отчетливо выговаривая каждое слово.

Лорд Рамсгейт презрительно фыркнул и направился к двери.

– Кстати, отец, – окликнул Хью, прежде чем он успел переступить порог, – не сообщишь семье лорда Уинстеда, что он может благополучно вернуться в Британию?

– Ни за что! По мне, так пусть он сгниет в аду... или во Франции, – мрачно хмыкнул маркиз, – что, как мне кажется, одно и то же.

– Но почему он не может вернуться? – гнул свое Хью, удивляясь собственному терпению. – Как мы оба видим: он меня не убил.

– Зато ранил.

– Но и я его ранил, причем первым.

– В плечо!

Хью стиснул зубы. Для того чтобы спорить с отцом, нужны железные нервы, а ему крайне необходим опий.

– Во всем виноват был я, – проскрежетал Хью.

– Мне все равно! – отрезал маркиз. – Он ушел своими ногами, ты же стал калекой, которому отныне, может, и не дано иметь детей.

Хью почувствовал, что его охватывает тревога: он ведь ранен в ногу. В ногу!

– Ты об этом не подумал, верно? – усмехнулся отец. – Пуля задела артерию. Чудо, что ты не истек кровью! Доктор считает, что жизни ничто не угрожает, но вот что касается всего остального...

Он распахнул дверь и, не оборачиваясь, бросил:

– Уинстед разрушил мою жизнь, а я вполне способен разрушить его.

Вся степень последствий ранения будет известна только через несколько месяцев. Бедро кое-как заживало, кости срастались медленно, но зато никаких других повреждений не обнаружилось.

Шансы стать отцом у Хью остались, и это хорошая новость.

Не то чтобы он так уж этого хотел, но все же чувствовал себя спокойнее. В памяти всплыл эпизод, как отец сдернул с него простыни в присутствии какого-то немецкого доктора, с которым не хотелось бы встретиться в темном переулке... Хью вырвал простыню, укрылся, изображая смертельное смущение, и дал тем самым отцу повод думать, что непоправимо искалечен.

И все это время, весь нелегкий период выздоровления, Хью, прикованный к постели в отцовском доме, был вынужден терпеть ежедневные заботы сиделки, чья манера ухажи-

вать за больным весьма напоминала повадки дикого гунна Аттилы. Да и внешне они были похожи. Природа наделила ее лицом, по мнению Хью, ничем не выделявшимся среди физиономий прочих гуннов. По правде говоря, сравнение было достаточно лестным... для Аттилы.

И все же общество сиделки, пусть грубой и резкой, было куда предпочтительнее общества отца, который приходил каждый день в четыре часа дня с бокалом бренди в руке (только для себя, не для Хью) и с последними новостями об охоте на Дэниела Смайт-Смита.

И каждый день в четыре часа одну минуту Хью просил отца остановиться, но, конечно, лорд Рамсгейт его не слушал, потому что поклялся преследовать Дэниела, пока не увидит его мертвым.

Наконец Хью почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы покинуть Рамсгейт-Хаус. Денег у него было не много: только последний выигрыш, с тех времен, когда еще играл, но их хватило, чтобы нанять камердинера и снять маленькую квартирку в Олбани, хорошо известном как самое подходящее место для джентльменов благородного происхождения, не располагающих средствами.

Хью пришлось заново учиться ходить. Для расстояний побольше ему требовалась трость, но по бальному залу он смог бы пройти и без нее, если бы посещал бальные залы.

Хью также учился жить с болью, постоянной болью в неправильно сросшейся кости, мучительной пульсацией в

искоруженной мышце, а еще он заставил себя навещать отца, чтобы попытаться его урезонить, упросить прекратить охоту на Дэниела Смайт-Смита, но все тщетно. Маркиз свирепо цеплялся за свою ярость побелевшими от напряжения пальцами, пыхтел от злости, в полной уверенности, что никогда не будет иметь внуков и виной тому – лорд Уинстед.

И не важно, что Хью изо дня в день твердил о том, что Фредди вполне здоров и может еще удивить их и жениться: многие заядлые холостяки в конце концов обзаводились семьей. Маркиз только плевался, а однажды заявил, что если даже Фредди и пойдет к алтарю, то сына зачать все равно не способен, ну а если каким-то чудом и сможет, ребенок его не будет достоин фамильного титула.

Нет, во всем виноват Уинстед. Это от Хью маркиз ждал наследников, а теперь взгляните на него: беспомощный калека! Лорд Рамсгейт в жизни не простит Дэниела Смайт-Смита, когда-то неотразимого и знаменитого графа Уинстеда. Никогда.

И Хью, чьей единственной постоянной в жизни была способность рассмотреть проблему со всех углов и найти наиболее логичное решение, понятия не имел, что делать. О женитьбе он, конечно, думал, и не раз, да и проблем с женщинами никогда не было, но нельзя сказать с полной уверенностью, что пуля не причинила ему какое-то скрытое повреждение. Да и какая женщина теперь согласится пойти за него, калеку...

Но однажды что-то блеснуло в памяти – мимолетное мгновение из того разговора с Фредди сразу после дуэли. Брат сказал, что не пытался урезонить маркиза, а Хью ответил: «Ну разумеется», – а потом подумал: «Да и кто может урезонить сумасшедшего?»

Наконец он нашел ответ.

Только другой сумасшедший.

Глава 1

Осень 1824 года

Фенсмор близ Чаттериса, Кембриджшир

Леди Сара Плейнсуорт, ветеран трех неудачных лондонских сезонов, оглядела гостиную своих будущих родственников и объявила:

– Меня преследуют свадьбы. Хуже чумы.

Ее компаньонки, младшие сестры Харриет, Элизабет и Френсис, которым в их шестнадцать, четырнадцать и одиннадцать лет было еще рано вникать в matrimониальные prospects, все же могли бы хоть как-то ей посочувствовать.

Но так мог бы подумать только тот, кто незнаком с девицами Плейнсуорт.

– Ты слишком драматизируешь, – бросила Харриет, удостоив Сару мимолетным взглядом, прежде чем окунуть перо в чернила и продолжить царапать им по бумаге.

Сара медленно повернулась к ней.

– Ты пишешь пьесу о Генрихе Восьмом и единороге и считаешь меня склонной драматизировать?!

– Это сатира, – пояснила Харриет.

– Что такое сатира? – вмешалась Френсис. – Все равно что сатир?

В глазах Элизабет мелькнул коварный восторг, и она вос-

кликнула:

– Да!

– Элизабет! – прикрикнула Харриет.

– А что, разве не так? – прищурилась Френсис.

– Так должно быть, учитывая, что ты заставила ее встать в пьесу чертова единорога, – парировала Элизабет.

И опять Харриет пришлось повысить голос, чтобы приструнить сестру.

Вообще-то Саре было все равно, что проказница Элизабет произносит подобные слова, но как старшая в семье она сознавала, что должна по крайней мере сделать вид, что ей не все равно.

– Ну хорошо: окровавленного единорога, – пошла на попятную Элизабет. – В любом случае пьеса будет значительно интереснее.

– О, Харриет! – ахнула Френсис. – Ты ведь не собираешься искалечить единорога?

Харриет разгладила листок бумаги.

– По крайней мере не слишком.

Френсис охнула от ужаса.

– Каким это образом свадьбы могут кого-то преследовать? – громко спросила Харриет, вновь повернувшись к Саре. – Может, объяснишь, почему они хуже чумы?

– Свадьбы хуже чумы, если между ними всего одна неделя и если кому-то не повезет быть родственницей одной из невест и одного из женихов, а особенно если кто-то вынуж-

ден стать подружкой на свадьбе, где...

– Ты была подружкой всего лишь раз, – перебила Элизабет.

– И этого вполне достаточно, – пробормотала Сара. – Врагу не пожелаешь шагать по церковному проходу со свадебным букетом, если только ты не невеста, или уже была невестой, или слишком молода, чтобы быть невестой.

– Но это же замечательно, что Хонория попросила тебя быть ее подружкой на свадьбе! – выпалила Френсис. – Это так романтично! Может, тебе вставить в пьесу такую сцену, Харриет?

– Хорошая мысль, – откликнулась сестра. – Еще не поздно ввести новый персонаж, похожий на Сару.

Сара даже не потрудилась повернуться в ее сторону.

– Пожалуйста, не нужно.

– Нет, это будет очень забавно, – настаивала Харриет. – Специальный лакомый кусочек только для нас троих.

– Четверых, – поправила Элизабет.

– О, верно! Простите, я забыла Сару.

Та не сочла нужным ответить, лишь презрительно скривила губы.

– Я считаю, – не унималась Харриет, – мы всегда должны помнить, что были здесь, когда думали об этом.

– Ты могла бы наделить персонаж моими чертами, – с надеждой предложила Френсис.

– Нет-нет, – отмахнулась Харриет. – Слишком поздно что-

то менять. Все уже закрепилося у меня в голове. Новый персонаж должен быть похож на Сару. Погоди-ка...

Она принялась в бешеном темпе строчить пером.

– Густые темные волосы, слегка завиваются...

– Темные бездонные глаза, – вставила Френсис. – Именно бездонные.

– С намеком на сумасшедшинку, – добавила Элизабет.

Сара круто развернулась лицом к ней.

– Это всего лишь эпитет, – стушевалась Элизабет. – Но я определенно вижу теперь этот намек...

– Не слишком высокая, не слишком низкая, – пробормотала Харриет, продолжая записывать.

Элизабет ухмыльнулась и в свою очередь пропела:

– Не слишком худая, не слишком толстая.

– О, я тоже придумала! – воскликнула Френсис, подпрыгнув на диване: – Не слишком розовая, не слишком зеленая.

А вот это мгновенно прервало их диалог.

– Прошу прощения? – прошипела Сара.

– Тебя не так легко вывести из себя или смутить, – пояснила Френсис. – Ты очень редко краснеешь. И лишь однажды я видела, как тебя тошнит: когда все мы отравились в Брайтоне испорченной рыбой.

– Отсюда зеленый цвет лица, – одобрительно кивнула Харриет. – Молодец, Френсис, разумное замечание: люди действительно зеленеют, когда им нехорошо. Интересно почему?

– Желчь, – вставила Элизабет.

– Почему бы нам не сменить тему? – предложила Сара.

– Не понимаю, откуда такое скверное настроение, – пожалала плечами Харриет.

– Вовсе нет, – возразила сестра.

– Но и хорошим его не назовешь.

Сара не потрудилась возразить.

– Будь я на твоем месте, – заметила Харриет, – не ходила бы, а летала. Подумать только: тебе выпала такая возможность!

– Знаю.

Сара плюхнулась на диван, а Френсис встала и подошла к ней.

– Ты что, не хочешь участвовать в церемонии?

Она как-то по-птичьи вертела головой и походила на маленького взъерошенного воробышка.

– Не особенно, – призналась Сара. Вот если бы это была ее собственная свадьба... Но с сестрами об этом говорить не пристало: слишком большая разница в возрасте.

Между Сарой и Харриет у их матери могло быть еще трое детей, но две беременности закончились выкидышами, а единственный мальчик, рожденный лордом и леди Плейнсуорт, умер в колыбели, не прожив и трех месяцев. Сара была уверена, что родителей потрясла смерть сына, но, нужно отдать им должное, они никогда не подавали вида. Когда же было сказано, что титул переходит к Уильяму, кузену Сары,

никто не возмущался по этому поводу, просто приняли как должное. Конечно, шли разговоры, что Сара должна выйти за него замуж, чтобы «все осталось в семье», но Уильям был на три года моложе ее, в свои восемнадцать только что поступил в Оксфорд, и, конечно, в ближайшие пять лет жениться не собирался. Да и у Сары не было намерения ждать пять лет. Ну уж нет!

– Сара!

Она подняла глаза. И как раз вовремя: Элизабет целилась в нее томиком стихов.

– Не советую!

Элизабет разочарованно опустила книгу и повторила:

– Я спрашивала: не знаешь, все гости прибыли?

– Думаю, да, – ответила Сара, хотя, по правде говоря, понятия не имела, так ли это. – Трудно сказать что-то насчет тех, кто остановился в деревне.

Их кузина Хонория Смайт-Смит завтра утром выходит замуж за графа Чаттериса. Церемония должна была состояться здесь, в Фенсморе, наследном доме Чаттериса в северном Кембриджшире. Но даже огромный дом лорда Чаттериса не мог вместить всех гостей, которые приехали из Лондона. Многим пришлось снять комнаты в местных гостиницах.

Поскольку Плейнсуортам первыми отвели помещения в Фенсморе, они прибыли почти за неделю до назначенного времени, чтобы помочь с приготовлениями. Точнее, помогала их мать, а Саре поручили следить за сестрами и по воз-

возможности не допускать никаких проделок.

А это было совсем не легко.

Обычно за девушками следила гувернантка, что позволяло Саре выполнять обязанности подружки невесты, но случилось так, что их гувернантка – теперь уже бывшая – тоже собралась замуж через две недели за брата Хонории. А это означало, что сразу после этой свадьбы Сара (похоже, вместе с половиной Лондона) отправится из Фенсмора в Уипп-Хилл, Беркшир, на свадьбу Дэниела Смайта-Смита и мисс Энн Уинтер. Поскольку Дэниел обладал еще и графским титулом, свадьба обещала быть на редкость пышной.

В точности как у Хонории.

Две пышные свадьбы! Две невероятные возможности для Сары танцевать и резвиться, остро ощущая, что невеста не она.

Как же ей хочется замуж! Да и что тут необычного? Ее и воспитывали для того, чтобы она вышла замуж, нарожала детишек... если, конечно, не считать игры на фортепьяно в печально известном квартете Смайта-Смитов. Каждый год, с точностью часового механизма, четыре старшие незамужние кузины Смайта-Смитов были вынуждены демонстрировать несуществующие музыкальные таланты и играть квинтетом, причем не перед домашними, а на людях, которые отнюдь не были глухи.

Это был ад – точнее не скажешь. Сара была уверена, что более точного слова не изобретено.

Шум, производимый инструментами квартета Смайт-Смитов, трудно было описать, но по какой-то причине мамы всех девиц (включая мать Сары, урожденную Смайт-Смит) сидели в первом ряду с ангельскими улыбками на лицах в твердой, хотя и несколько безумной, уверенности, что их дочери музыкальные гении. Что касается остальной публики... это было тайной.

Почему она вообще существовала, эта остальная публика? Сара не могла понять. Ведь достаточно было прийти на концерт всего один раз, чтобы понять: в музыкальных вечерах Смайт-Смитов нет ничего хорошего. Изучая списки гостей, Сара видела одни и те же имена – то есть люди приезжали каждый год. О чем только они думали? Добровольно подвергать себя такой пытке... Это было выше ее понимания.

Единственным способом для одной из девиц Смайт-Смит освободиться от квартета было выйти замуж... ну или притвориться смертельно больной. Сара уже один раз проделала это, так что во второй вряд ли получится.

Вот бы родиться мальчиком! Их не заставляют обучаться играть на инструментах, им не приходится приносить в жертву свое достоинство на алтарь публичного унижения.

Это так несправедливо!

Итак, замужество. Три ее лондонских сезона, конечно, не были полностью провальными: только прошлым летом два джентльмена делали Саре предложение, но даже сознавая,

что, возможно, обрекает себя на еще один год за жертвенным фортепьяно, она все-таки отказала обоим.

Сара не нуждалась в безумной, жгучей страсти, потому что была для этого слишком практична и не верила, что всякий находит свою истинную любовь, но полагала, что леди двадцати одного года все же не должна выходить за мужчину шестидесяти трех лет.

Что же до другого предложения...

Сара вздохнула.

Джентльмен был необычайно любезен, но каждый раз, когда считал до двадцати (что делал, как ни странно, очень часто), пропускал число «двенадцать».

Сара не стремилась выйти за гения, но муж, который даже считать не умеет, – это уже слишком.

– Замужество, – сказала она себе.

– Что это было? – осведомилась Френсис, по-прежнему взирав на нее из-за спинки дивана.

Харриет и Элизабет сосредоточились на собственных занятиях, что было, несомненно, к лучшему, поскольку Сара не нуждалась в другой аудитории помимо одиннадцатилетней сестры, когда объявила:

– Мне просто необходимо выйти замуж в этом году, иначе я умру.

Хью Прентис помедлил на пороге гостиной, покачал головой и пошел дальше. Сара Плейнсуорт, если слух его не

обманывает, а он обычно не обманывал.

Еще одна причина, по которой он не хотел приезжать на эту свадьбу.

Хью никогда не отличался общительностью и мало с кем дружил, но в то же время избегал тоже очень немногих. в первую очередь, конечно, своего отца; во вторую – приговоренных к казни убийц, а в третью – леди Сару Плейнсуорт.

Даже если бы их первая встреча не вылилась в некое подобие безумного кошмара, они никогда не стали бы друзьями, потому что Сара Плейнсуорт одна из мелодраматичных особ, склонных к гиперболам и патетичным объявлениям. Хью, как правило, не обращал внимания на манеру речи окружающих, но когда говорила леди Сара, ее трудно было игнорировать: она использовала чересчур много междометий, все фразы заканчивались восклицательными знаками.

Кроме того, она презирала Хью. И ему это не кажется. Он сам слышал, как она бормотала о нем не самые лестные слова. Не то чтобы его это волновало – он тоже не слишком ее любил, – просто хотелось бы, чтобы она научилась вести себя корректнее.

Вот хотя бы сейчас! Она, видите ли, умрет, если не выйдет замуж в этом году. Ну еще бы!

Хью покачал головой: уж на ее-то свадьбу он точно не приедет.

Он не пошел бы и на эту, но Дэниел Смайт-Смит настаивал, а когда Хью напомнил, что это даже не его свадьба, тот

откинулся на спинку стула и сказал, что присутствие друга на свадьбе его сестры должно убедить общество, что разногласий между ними больше нет. Так что Хью, черт возьми, лучше приехать и улыбаться пошире.

Приглашение звучало не слишком любезно, но Хью было все равно. Он предпочитал слышать истинный смысл слов и не обижался. Но Дэниел прав в одном: в этом случае лучше соблюдать внешние приличия.

Три с половиной года назад разразился невообразимый скандал, когда Хью вызвал на дуэль Дэниела. Последнему пришлось бежать из страны, а Хью целый год учился снова ходить. Еще год ушел на попытки убедить отца оставить Дэниела в покое и еще один – на старания найти Дэниела. Наконец Хью сообразил, как заставить отца отозвать своих шпионов и убийц и дать Дэниелу свободу.

Шпионы и убийцы. Неужели его существование действительно превратилось в мелодраму настолько, что он мог произносить эти слова и чувствовать их уместность?

Хью тяжело вздохнул. Он усмирил отца, нашел Дэниела и привез его в Британию. Теперь Дэниел женится, и все будет так, как должно быть. Дай Бог ему жить долго и счастливо.

Хью опустил глаза на свою покалеченную ногу. Это вполне справедливо. Все начал именно он и за это наказан. На всю жизнь.

Но, черт возьми, как же болит нога! Вчера целый день Хью провел в экипаже – вот и последствия. Он вообще не пони-

мал, к чему было появляться на этой свадьбе. Его присутствия на свадьбе Дэниела, которая состоится чуть позже, было бы вполне достаточно, чтобы убедить общество в заключении между ними мира.

Хью был не настолько горд, чтобы не признать: по крайней мере в этом случае ему не все равно, что подумает общество. Конечно, его нисколько не задевало, когда о нем говорили как о чудаке, который играет в карты лучше, чем общается с людьми. Не то чтобы Хью возражал, когда его называли странным: однажды он подслушал, как одна светская матрона сказала другой, что находит его таковым и не позволила бы дочери считать его потенциальным поклонником (если бы ее дочь им заинтересовалась, чего, конечно же, никогда не произойдет).

Хью не возражал, но запомнил. Каждое слово.

Беспокоило лишь то, что его считали злодеем. Что кто-то мог подумать, будто он хотел убить Дэниела Смайт-Смита. А когда тому пришлось покинуть страну, обрадовался. Этого Хью вынести не мог. И если единственный способ восстановить свою репутацию – сделать все, чтобы общество поверило, что Дэниел простил его, значит, Хью пойдет на эту свадьбу и на любое другое мероприятие, которое Дэниел почитает необходимым.

– О, лорд Хью!

При звуках знакомого женского голоса Хью остановился. Это оказалась сама невеста, леди Хонория Смайт-Смит, а в

скором времени – через двадцать три часа, если церемония начнется вовремя, в чем Хью искренне сомневался, – леди Чаттерис. Его удивило, что она одна. Разве невестам не полагается появляться в окружении подруг и родственниц?

– Леди Хонория! – воскликнул Хью, перехватывая поудобнее трость, прежде чем приветственно поклониться.

– Я так рада, что вы смогли приехать!

Хью смотрел в ее светло-голубые глаза чуть дольше, чем окружающие посчитали бы необходимым, и был совершенно уверен, что она говорит правду, но сам солгал:

– Я тоже счастлив быть здесь. Спасибо.

Хонория широко улыбнулась, и улыбка осветила ее лицо так, как может осветить только счастье. Хью не заблуждался на свой счет: причина ее радости, конечно же, не он. Все, что он сделал, – пробормотал любезность и таким образом сумел не расстроить ее, не вторгнуться в нынешнее предсвадебное блаженство.

Простая математика.

– Вам понравился завтрак? – спросила Хонория.

Ему показалось, что она остановила его не для того, чтобы справиться о завтраке, но поскольку было очевидно, что он уже успел поесть, пришлось ответить:

– Очень. У лорда Чаттериса превосходный повар.

– Большое спасибо! Столь знаменательных событий не случалось в Фенсморе десять лет. Слуг просто трясет от волнения. И восторга. – Хонория на миг замолчала. – Но в ос-

новном от волнения.

Ему нечего было сказать, потому он ждал продолжения, и девушка его не разочаровала:

– Я надеялась, что смогу просить вас об одолжении.

Хью представить не мог, о чем пойдет речь, но она невеста и если хотела попросить его постоять на голове, понятно, что он просто обязан хотя бы попробовать.

– Дело в том, что мой кузен Артур заболел, а он должен был сидеть за главным столом во время свадебного завтрака.

О нет! Неужели она просит...

– Нам необходим еще один джентльмен и...

Очевидно, просит.

– Я надеялась, что его место можете занять вы. Конечно, это достаточно долгий путь для того, чтобы...

Хонория сглотнула, на секунду подняла глаза, пытаясь найти нужное слово.

– Чтобы все исправить. Хотя бы внешне.

Хью посмотрел на нее. Не было причин опасаться сидеть за главным столом, но предчувствие оставило донельзя неприятный осадок.

– Нет, дело не в том, что нужно что-то исправлять, – добавила Хонория поспешно. – Что касается меня и моей матери, могу твердо сказать: мы очень вас ценим и уважаем. И знаем... Дэниел рассказал, что вы для него сделали.

Он все так же пристально смотрел на нее. Так что там сказал Дэниел?

– Я знаю, что, если бы не вы, его бы сейчас в Англии не было, и я очень благодарна вам за помощь.

Хью посчитал невероятной добротой то обстоятельство, что она не упомянула, кто был причиной побега Дэниела во Францию.

Хонория безмятежно улыбнулась.

– Очень умный человек однажды сказал, что не ошибки показывают наш истинный характер, а работа над их исправлением.

– Да, это действительно умный человек, – пробормотал Хью.

– Ладно, так и быть: это сказала моя мать, и не мне, а Дэниелу. Но я давно поняла – надеюсь, и он тоже, – что это правда.

– Кажется, вы правы, – согласился с ней Хью.

– Ну, что скажете? – улыбнулась Хонория, резко меняя и тему, и настроение. – Вы готовы занять место за главным столом? Этим вы окажете мне огромное одолжение.

– Для меня это большая честь, – кивнул Хью и понял, что это правда. Конечно, он скорее покувыркался бы в снегу, чем сел на возвышение перед всеми свадебными гостями, но это действительно большая честь.

Ее лицо снова засияло счастьем. Неужели свадьбы способны делать с людьми такое?

– Большое спасибо, – сказала Хонория с явным облегчением. – Если бы вы отказались, мне пришлось бы просить

другого кузена, Руперта.

– У вас есть еще один кузен? И вы предпочли меня?

Конечно, Хью не слишком почитал правила и законы, которыми руководствовалось общество, но это не означало, что не знал об их существовании.

– Он просто ужасен! – прошептала Хонория. – А если честно, просто чудовище, к тому же ест слишком много лука.

– Что же, если так... – пробормотал Хью.

– И к тому же не ладит с Сарой, – добавила Хонория.

Хью обычно обдумывал все, что хочет сказать, но сейчас не смог удержаться, чтобы не выпалить: «Я тоже не лажу с леди Сарой», – прежде чем захлопнуть рот.

– Прошу прощения? – осведомилась Хонория.

Хью вынудил себя снова открыть рот и сухо заметил:

– Не вижу, почему это должно быть проблемой.

Господи, ему придется сидеть рядом с Сарой Плейнсуорт! Как возможно, чтобы Хонория Смайт-Смит не сообразила, насколько это нелепо?

– О, спасибо, лорд Хью! Я очень ценю вашу гибкость в подобных вопросах. Если бы я посадила их рядом – а за главным столом нет другого места, поверьте, я смотрела, – одно только Небо знает, какой скандал они способны затеять!

– Леди Сара? – пробормотал Хью. – Скандалы?

– Знаю, – согласилась Хонория, абсолютно не поняв смысла его слов. – Конечно, трудно представить. Мы с ней никогда не ссорились. У нее поразительное чувство юмора.

Хью ничего не ответил, а Хонория широко улыбнулась:

– Еще раз спасибо. Вы действительно делаете мне огромное одолжение.

– Как я мог отказать?

Она слегка прищурилась, но, похоже, не различила сарказма, что имело смысл, поскольку Хью сам не знал, язвит или нет.

– Что же, спасибо, пойду скажу Саре.

– Она в гостинной.

Хонория с любопытством взглянула на него, и он добавил:

– Я слышал ее голос, когда проходил мимо.

Хонория в недоумении нахмурилась, поэтому он пояснил:

– У нее очень выразительный голос.

– Не замечала.

Хью решил, что сейчас самый подходящий момент заткнуться и уйти, однако у невесты были другие планы:

– Что же, если Сара здесь, почему бы нам не пойти к ней, чтобы сообщить хорошие новости?

Это было последним, чего хотел Хью, но она улыбнулась, и он вспомнил, что перед ним невеста, поэтому просто пошел следом.

В модных романах, которые Сара поглощала дюжинами и вовсе не стыдилась этого, предвидения рисовались не кистью, а половой щеткой, грубо и ярко. Героиня прижимала руку ко лбу и говорила нечто вроде: «О, если бы мне посчаст-

ливилось найти джентльмена, который не обратит внимания на мое незаконное рождение и лишний палец на ноге!»

Прекрасно, но ей еще нужно найти автора, готового писать про лишний палец, хотя это, несомненно, внесет живую нотку в роман. Такое нельзя отрицать.

Но вернемся к предвидению. Героиня высказывает страстную мольбу, и потом, словно вызванный древним талисманом, появляется необходимый джентльмен.

«О, если бы только найти джентльмена!»

И джентльмен появляется.

Именно поэтому Сара, объявив, что умрет, если не выйдет замуж (что было совершенным абсурдом), все же взглянула в открытую дверь. Разве не было бы забавным увидеть там жениха?

Неудивительно, что никто не возник.

– Хм... Даже боги литературы отчаялись и умыли руки.

– Ты что-то сказала? – поинтересовалась Харриет.

– О, если бы мне посчастливилось найти джентльмена, – пробормотала себе под нос Сара, – который сделает меня несчастной и будет раздражать до конца дней моих!

И тут...

Ну конечно!

Лорд Хью Прентис.

Господи, неужели ее злоключения будут вечными?

– Сара! – раздался жизнерадостный возглас, и сама невеста появилась рядом с лордом Хью. – У меня прекрасные

новости!

Сара встала и устремила взгляд на кузину, потом посмотрела на Хью Прентиса, которого, надо сказать, никогда не любила, и снова перевела взгляд на Хонорию, лучшую в мире подругу. И поняла, что она (лучшая в мире подруга) хороших новостей не принесла – по крайней мере тех, которые Сара считала хорошими.

Как и Хью Прентис, если судить по выражению его лица.

Но Хонория так и сияла, словно жизнерадостный, почти обвенчанный фонарик, и только что не взлетела в воздух, провозгласив:

– Кузен Артур заболел!

Элизабет тут же встрепенулась:

– Это действительно хорошая новость.

– О, брось! – отмахнулась Харриет. – Он и вполонину не так плох, как Руперт!

– Нет, это еще не такая хорошая новость, – поспешила вставить Хонория, нервно поглядывая на Хью: как бы не посчитал их кровожадными особами. – Хорошая заключается в том, что завтра Сара будет сидеть не с Рупертом.

Френсис ахнула и бросилась к ней:

– Означает ли это, что я тоже могу сидеть за главным столом? О, пожалуйста, скажи, что я могу занять его место! Мне бы так этого хотелось! Особенно потому, что стол будет стоять на возвышении, а я окажусь выше всех!

– О, Френсис, – тепло улыбнулась Хонория. – Я бы очень

этого хотела, но ты знаешь, что за главным столом не должно быть детей, и следовательно, нам нужен джентльмен.

– Значит, лорд Хью, – догадалась Элизабет.

– Рад служить, – отчеканил Хью, хотя видел, что Сара все не рада.

– Не могу передать, как я вам благодарна! – воскликнула Хонория. – Особенно Саре.

Хью уставился на Сару. Сара уставилась на Хью. Ей казалось очень важным показать свое истинное отношение к происходящему.

И тут он улыбнулся! Болван! Вернее, улыбкой это можно было назвать с большой натяжкой. Но поскольку его физиономия обычно казалась каменной маской, то даже подергиванье уголка губ могло сойти за полный восторг.

– Уверена, что буду счастлива сидеть рядом с вами, а не с кузенном Рупертом, – заверила Сара. «Счастлива», конечно, сильное преувеличение, но у Руперта ужасно пахло изо рта, так что хотя бы этого удастся избежать!

– Я тоже уверен, – повторил лорд Хью со странной смесью тягучести и категоричности в голосе, от которой мозг Сары готов был взорваться.

Он издевается над ней? Или просто повторяет ее слова? Трудно понять.

Еще одна черта, которая характеризовала лорда Хью Прентиса как самой раздражающей личности во всей Англии. Имеет право человек знать, подшучивают над ним или

нет?!

– Надеюсь, вы не едите сырой лук за завтраком? – холодно спросила Сара.

Хью улыбнулся (а может, и нет):

– Не ем.

– Ну слава богу!

– Сара... – нерешительно одернула ее Хонория.

Сара с ослепительной улыбкой повернулась к кухне.

Она так и не забыла того безумного момента год назад, когда впервые встретилась с лордом Хью, но сейчас он был совершенно холоден. Черт возьми, если он способен на такое, то и она тоже!

– Твоя свадьба будет идеальной! Мы с лордом Хью прекрасно поладим, я уверена.

Хонория ни на секунду ей не поверила. Впрочем, Сара так и думала. На ее лице, словно приклеенная, застыла улыбка. Ради Хонории она будет вежлива с Хью Прентисом. Ради Хонории даже улыбнется ему, станет смеяться над его шутками, если предположить, что он способен шутить, но все же просто невозможно, чтобы Хонория не понимала, как сильно она ненавидит Хью! Ну ладно, не так чтобы ненавидит... Ненависть она прибережет для истинного зла – Наполеона, например – или цветочницы в Ковент-Гардене, которая пыталась обсчитать ее неделю назад.

Но Хью Прентис – за пределами раздражающего, за пределами досаждающего. Он единственный (кроме ее сестер,

конечно), кто умудрился взбесить ее так, что приходилось держать руки по швам, чтобы не дать ему пощечину.

Она никогда не была так зла, как в ту ночь...

Глава 2

Празднование помолвки мистера Чарлза

За шестнадцать месяцев до вышеописанных событий

Лондон, бальный зал

– Ты считаешь мистера Сент-Клера красивым?

Задавая этот вопрос, Сара не потрудилась повернуться к Хонории: слишком увлеклась наблюдением за мистером Сент-Клером, пытаясь решить, что думает о нем. Ей всегда нравились мужчины с рыжевато-каштановыми волосами, но вот насчет косы она сомневалась. Выглядит он с ней как пират.

– Гарет Сент-Клер? – уточнила Хонория. – Имеешь в виду внука леди Данбери?

Взгляд Сары метнулся к подруге:

– Не может быть!

– Но это правда. Я уверена.

– Значит, я вычеркиваю его из списка, – твердо объявила Сара.

– Знаешь, я восхищаюсь леди Данбери, – заметила Хонория. – Она всегда говорит то, что думает.

– Именно поэтому ни одна здравомыслящая девушка не захочет выйти замуж ни за кого из членов ее семьи. Господи, Хонория, а если придется с ней жить?

– Ты и сама известный правдолюб, – напомнила кузина.

– Может, и так, – проговорила Сара, – но мне сложно соревноваться с леди Данбери.

Она снова глянула на мистера Сент-Клера. Пират или играт в пирата? Наверное, это не имеет значения – ведь он родственник леди Данбери.

Хонория погладила ее по руке:

– Дай себе время.

Сара бросила на кухню саркастический взор:

– Сколько именно времени? Ей уже восемьдесят, это точно!

– Нам всем нужно к чему-то стремиться, – пробормотала Хонория.

Сара, не выдержав, закатила глаза:

– Неужели моя жизнь стала такой жалкой, что мои устремления должны измеряться десятилетиями, а не годами?

– Нет, конечно, нет, но...

– Но что? – с подозрением спросила Сара.

Хонория вздохнула:

– Как по-твоему, найдем мы себе мужей в этом году?

Сара не могла заставить себя выразить свое мнение словами, поэтому сумела ответить лишь жалобным взглядом.

У Хонории было точно такое же выражение лица. Они дружно вздохнули, и это были усталые, измученные вздохи.

– Как мы жалки, – обронила Сара.

– Верно, – согласилась Хонория.

Несколько минут они наблюдали за веселившейся толпой, после чего Сара призналась:

– Но сегодня я против этого не возражаю.

– Против того, чтобы быть жалкой?

Сара задорно улыбнулась:

– Сегодня вечером у меня есть ты.

– Несчастье любит компанию.

– Это и есть самое забавное, – хмыкнула Сара, вскинув брови. – Сегодня я даже не могу считать себя несчастной.

– О, Сара Плейнсуорт, – рассмеялась кузина, – ничего более приятного ты мне не говорила.

Сара усмехнулась, но все же спросила:

– Что же, мы будем старыми девами, древними, с дрожащими руками, на очередном столетнем музыкальном вечере?

Хонория передернулась:

– Совершенно уверена, что это далеко не самое приятное.

Я люблю музыкальные вечера, но...

– Не может быть!

Сара едва подавила желание заткнуть уши: разве можно любить эти музыкальные вечера?

– Я сказала, что люблю музыкальные вечера, – пояснила Хонория. – Не музыку.

– Скажи, пожалуйста, какая разница? Думаю, я могу просто погибнуть...

– О, Сара! – упрекнула Хонория. – Не преувеличивай.

– Хотела бы я, чтобы это оказалось преувеличением.

– А мне нравилось упражняться с тобой, Виолой и Мариголд. В следующем году будет даже лучше: Айрис собирается играть на виолончели. Тетя Мария сказала, что мистер Эджком вот-вот сделает предложение Мариголд. – Хонория задумчиво нахмурилась. – Хотя мне непонятно, откуда она это знает.

– Не в этом дело, – мрачно заявила Сара. – А если даже и в этом, не стоит публично его обсуждать. Если хочешь проводить время с кузинами, пригласи лучше всех нас на пикник. Или на игру в пэл-мэл.

– Это не одно и то же.

– Слава богу!

Сара передернулась, полная решимости не вспоминать ни единого момента своего дебюта в квартете Смайт-Смитов, но это было очень трудно. Каждый жуткий аккорд, каждый сочувствующий взгляд...

Именно поэтому нужно рассматривать всех джентльменов как потенциальных супругов. Если хоть раз еще придется выступать с не имеющими слуха кузинами, Сара действительно погибнет, и это не преувеличение.

– Прекрасно, – деловито бросила она и выпрямилась для пущей выразительности. – Мистер Сент-Клер вычеркнут из списка. Кто еще приехал сегодня?

– Никто, – бросила Хонория ледяным тоном.

– Никто? Как это возможно? А мистер Трэверз? Я думала,

ты и он...

Сара охнула при виде вмиг изменившегося выражения лица Хонории.

– Прости. Что случилось?

– Не знаю. Я думала, все идет прекрасно, а потом... ничего.

– Очень странно, – заметила Сара.

Конечно, сама она ни за что не выбрала бы мистера Трэверза, по крайней мере в первую очередь, но он казался достаточно надежным. И уж явно не из тех, кто способен бросить без всякого объяснения.

– Ты уверена?

– На званом вечере миссис Уэмбли я улыбнулась ему, а он выбежал из комнаты.

– О, это точно твое воображение...

– Он даже столик опрокинул – так торопился.

– Вот как? – поморщилась Сара (здесь уже не выразишь жизнерадостную гримаску) и сочувственно прошептала: – Мне очень жаль.

Как ни утешительно было сознавать, что Хонория такая же неудачница на брачном рынке, она хотела бы видеть кухню счастливой.

– Возможно, все к лучшему, – сказала Хонория, вечная оптимистка. – У нас очень мало общего. Он довольно музыkalен, а я не знаю, как... Ой!

– Что случилось? – всполошилась Сара.

Будь они ближе к канделябру, возглас кухни наверняка загасил бы пламя.

– Почему он здесь? – прошептала Хонория.

– Кто? – Сара оглядела комнату. – Мистер Трэверз?

– Нет! Хью Прентис!

Сара окаменела и в ярости прошипела:

– Как он смеет показываться здесь? Он ведь знал, что мы приедем!

Но Хонория покачала головой:

– У него такое же право быть здесь...

– Нет у него никакого права! – оборвала ее Сара.

Как это типично для Хонории – быть доброй и всепрощающей к тем, кто этого не заслуживал!

– Лорд Хью Прентис крайне нуждается в публичной порке, – процедила Сара.

– Прекрати!

– Поверь, есть время и место для христианского милосердия, но лорд Хью Прентис к объектам такового не относится.

Глаза Сары зловеще прищурились при виде джентльмена, которого она посчитала лордом Хью. Их никогда не знакомили официально – дуэль произошла до того, как Сара появилась в обществе, и, конечно, после этого никто не смел представить их друг другу, – но все же она знала его в лицо, так как специально постаралась выведать, как он выглядит.

Она видела джентльмена только со спины, но волосы были нужного цвета: светло-каштановые. А может, русые, в за-

висимости от того, насколько снисходительной она себя чувствует. Она не видела, держит ли он трость. Может, его походка улучшилась? Когда несколько месяцев назад она в последний раз видела его, он довольно сильно хромал.

– Он дружит с мистером Данвуди, – сообщила Хонория прерывистым голосом. – Хотел поздравить своего друга.

– Мне все равно, даже если он захочет подарить счастливой паре собственный личный остров в Индии, – выплюнула Сара. – Это ты друг мистера Данвуди! Знаешь его много лет. И лорду Хью наверняка это известно.

– Да, но...

– И не ищи для него оправданий! Мне безразлично, что лорд Хью думает о Дэниеле...

– А мне нет. Мне небезразлично, что все думают о Дэниеле.

– Дело не в этом! – бушевала Сара. – Ты ни в чем не виновата, а с тобой поступили безобразно! Если бы у лорда Хью была в теле хоть одна порядочная косточка, он бы держался подальше от любого собрания, где существовал малейший шанс встретить тебя!

– Ты права.

Хонория на миг закрыла глаза, и Сара увидела, какой у нее невыносимо усталый вид.

– Но сейчас мне все равно. Я просто хочу уйти. Хочу домой.

Сара продолжала смотреть на вышеуказанного лорда.

Вернее, на его спину.

– Ему следовало бы думать хоть немного, – буркнула она себе под нос и неожиданно для себя шагнула вперед. – Я сейчас...

– Не смей! – предупредила Хонория, стараясь незаметно оттащить кузину. – Если устроишь сцену...

– Я бы никогда не позволила себе ничего подобного.

Но, конечно, обе знали, что Сара способна на все. Из-за Хью Прентиса Сара готова устроить сцену, которая войдет в историю.

Два года назад Хью Прентис едва не уничтожил ее семью. Отсутствие Дэниела по-прежнему создавало зияющую пустоту на семейных собраниях. Невозможно было даже упомянуть его имя в присутствии матери. Тетя Вирджиния просто делала вид, будто не слышит, а потом (по словам Хонории) запиралась в своей комнате и плакала.

Остальных членов семьи это тоже коснулось. Скандал, вызванный дуэлью, был таким шумным, что и Хонория, и Сара были вынуждены отказаться от своего первого лондонского сезона. От внимания Сары не ускользнуло (упомянув об этом, Сара рвала и метала, после чего в отчаянии плюхнулась на кровать), что 1821 год был невероятно продуктивным с точки зрения всех лондонских маменек, стремившихся пристроить дочек. Четырнадцать завидных холостяков обручились в этом сезоне. Четырнадцать! И это не считая тех, кто был слишком стар, чудаковат или любил выпить.

Кто знает, как бы все обернулось, если бы Сара и Хонория были в Лондоне во время этого матримониально великолепного сезона! Назовите ее пустышкой, но, насколько понимала Сара, именно Хью Прентис был виновен в ее быстро надвигавшемся стародевичестве.

Сара никогда не встречалась с лордом Хью, но ненавидела его всеми силами души.

– Прости, – резко бросила Хонория, но голос ее дрогнул, словно она едва сдерживала слезы. – Я должна уйти. Немедленно. И нам нужно найти мою мать. Если она увидит его...

Тетя Вирджиния!

Сердце Сары упало. Для нее это будет огромным ударом. Мать Хонории так и не оправилась от бесчестья единственного сына. Оказаться лицом к лицу с человеком, который стал причиной всему...

Сара схватила кузину за руку:

– Пойдем со мной. Я помогу тебе ее найти.

Хонория вяло кивнула, позволив кузине тащить ее за собой. Они пробрались сквозь толпу, стараясь не задерживаться и не привлекать к себе внимания. Сара не хотела, чтобы кузине пришлось говорить с Хью Прентисом, но скорее умерла бы, чем позволила бы кому-то считать, будто она струсила и бежит от врага.

А это означает, что придется остаться. Возможно, даже поговорить с ним. Нужно сохранить лицо, ради всей семьи.

– Вот она, – прошептала Хонория, когда они подошли к

дверям великолепного бального зала.

Леди Уинстед стояла в компании нескольких матрон и дружелюбно болтала с хозяйкой дома, миссис Данвуди.

– Должно быть, она не видела его, – прошипела Сара. – В противном случае леди Уинстед вряд ли бы улыбалась.

– Что мне изобразить? – спросила Хонория.

– Усталость, – отозвалась Сара.

Это не вызовет никаких сомнений: достаточно вспомнить, как она побелела в тот момент, когда увидела Хью Прентиса, а под глазами залегли синеватые тени.

Хонория, поспешно кивнув, бросилась вперед и вежливо отвела мать в сторону, прежде чем прошептать несколько слов ей на ухо. Сара увидела, как они извинились перед хозяйкой и выскользнули за дверь, к ожидавшей экипажей очереди.

Сара перевела дух, радуясь, что тетка и кузина не столкнулись с лордом Хью, но, кроме светлой, существует и темная сторона: отъезд Хонории означал, что она застряла здесь по меньшей мере на час. Очень скоро сплетники поймут, что лорд Хью Прентис находится в одном помещении с кузиной Смайт-Смитов. Сначала будут глазеть на нее, потом пролетит шепоток, а потом все будут следить, не пересекутся ли их дорожки, не заговорят ли они, а если этого не произойдет, то кто уйдет с вечера первым.

Сара рассудила, что должна оставаться в бальном зале Данвуди не меньше часа, пока уже не будет иметь значения,

кто ушел первым, но сначала покажет всем, что прекрасно проводит время, а это означает, что она не станет одиноко подпирать стенку. Нужно найти подругу, с кем можно поболтать, а еще того, кто пригласит ее на танец. Нужно смеяться и улыбаться, словно у нее нет никаких забот в этом мире.

Нужно таким образом всем дать ясно понять, что она вообще не знает, как лорд Хью Прентис проник на вечер, и что находит это совершенно недостойным ее внимания.

Соблюдение приличий – такое утомительное занятие.

К счастью, войдя в бальный зал, Сара тут же заметила кузена Артура. Он донельзя скучен и уныл как палка, зато неотразимо красив и всегда привлекает внимание. И, что важнее всего, если она дернет его за рукав и прикажет потанцевать с ней, он так и делает, не задавая вопросов.

Когда танец с Артуром закончился, она велела вести ее к подруге, которой ничего не оставалось делать, кроме как потребовать ее общества на предстоявший мунуэт, и Сара, не успев опомниться, протанцевала следующие четыре танца в быстрой последовательности, причем три – с такими мужчинами, которые приковывали взгляд каждой женщины в зале. Четвертым был сэр Феликс Фарнзуэрт, который, к несчастью, вообще не приковывал никаких взглядов, но к этому моменту Сара присоединилась к рядам молодых женщин, что делают мужчин крайне популярными, и была рада добавить блеска сэру Феликсу, которому всегда симпатизировала, несмотря на его странный интерес к таксидермии.

Она не видела лорда Хью, но не понимала, как ему удалось не увидеть ее. К этому времени она допила бокал лимонада с сэром Феликсом и решила, что устроила прекрасный спектакль, хотя не прошло и часа со времени отъезда Хонории.

«Посмотрим... если каждый танец длился около пяти минут, плюс перерывы, плюс короткая беседа с Артуром и два бокала лимонада...»

Это, несомненно, равно восстановлению доброго имени семьи – по крайней мере на этот вечер.

– Еще раз спасибо за чудесный танец, сэр Феликс, – поблагодарила Сара, отдавая пустой бокал лакею. – Желаю вам всяческой удачи с этим стервятником.

– Да, это очень увлекательное занятие. Следует придать ему как можно более естественную позу. Все дело в клюве, знаете ли.

– Клюве, – повторила Сара. – Верно.

– Так вы уходите? – огорчился сэр Феликс. – А я надеялся рассказать вам о другом чучеле. Ехидны.

Сара почувствовала, как ее губы двигаются в тщетной попытке выговорить слова. И все же, когда заговорила, изо рта вырвалось всего два слова: «Моя мать».

– Ваша мать ехидна?

– Нет! То есть, как правило, нет!

О господи, хорошо, что у сэра Феликса нет привычки сплетничать! Ведь если это дойдет до матери...

– Я не то хотела сказать, мама вовсе не ехидна, просто я

оговорилась... Мне нужно ее найти, она особенно подчеркнула – прежде чем захочу уйти, то есть сейчас...

– Уже почти одиннадцать, – услужливо заметил сэра Феликс.

– Тем более.

Сара попрощалась, оставив сэра Феликса с кузеном Артуром, который пусть и не интересовался ехиднами, все же прекрасно умел притворяться заинтересованным, и отправилась на поиски матери – сообщить, что хочет уехать пораньше.

Они жили недалеко от Данвуди; если леди Плейнсуорт не захочет покинуть бал, кучеру не составит труда отвезти Сару домой, а потом вернуться.

Пять минут поисков ни к чему не привели, и скоро Сара, раздраженно бормоча, шла по коридору туда, где, по ее предположениям, Данвуди устроили игорную комнату.

Не то чтобы леди Плейнсуорт не могла позволить себе проиграть пару гиней, тем более что нынче играли все матроны, но все же несправедливо, что она пускает по ветру деньги, в то время как Сара спасает семью от позора, который навлек на нее кузен именно игрой в карты.

– Ах, ирония, – прошептала Сара. – Имя тебе...

Имя тебе было...

Имя тебе могло быть...

Она даже остановилась и сосредоточенно нахмурилась, пытаясь вспомнить имя иронии, упорно ускользавшее от

нее.

– Я ничтожество, – пробормотала Сара и отправилась дальше. Все, чего она хотела, – оказаться дома. Где мать, дьявол ее побери!

Мягкий свет лился из приоткрытой двери всего в нескольких футах впереди. Для карточной игры там было чересчур тихо, но открытая дверь свидетельствовала, что вряд ли Сара увидит что-нибудь неприличное.

– Мама! – окликнула девушка, входя в комнату, но матери там не было.

Похоже, ирония сменила имя и теперь ее зовут Хью Прентис.

Сара застыла на пороге и уставилась на мужчину, сидевшего у окна. Позже, воскрешая в памяти каждый кошмарный момент этой встречи, она поняла, что могла бы уйти. Он сидел спиной к двери и не увидел бы ее, не открой она рот.

Но увы...

– Надеюсь, вы удовлетворены, – холодно заметила Сара.

Услышав ее голос, лорд Хью встал. Его движения были скованными. Чтобы подняться, ему пришлось облокотиться на спинку кресла.

– Прощу прощения? – обронил он учтиво, рассматривая ее с выражением, абсолютно лишенным эмоций.

У него хватило наглости не чувствовать неловкость в ее присутствии? Руки Сары сжались в маленькие твердые кулаки.

– Неужели у вас совсем нет стыда?

Прентис удивленно моргнул – единственная реакция, которой она смогла добиться, – и пробормотал:

– Вообще-то это зависит от ситуации.

Сара мысленно перебрала свой репертуар в поисках подходящего выражения женской ярости и выпалила:

– Сэр, вы не джентльмен!

Эти слова наконец привлекли внимание Хью. Зеленые, как трава, глаза встретились с ее взглядом, едва заметно прищурились, и тогда до Сары дошло: он не знал, кто она такая.

– И что теперь?

Он ее не знает. Разрушил ее жизнь, и не знает, кто она!

Ирония, будь проклято твое имя!

Глава 3

Оглядываясь назад, Хью понимал, что молодая женщина, стоявшая перед ним, не в себе: недаром она заявила, что он не джентльмен. Не то чтобы это не было правдой: несмотря на то что старался вести себя как цивилизованный взрослый человек, Хью знал, что вот уже много лет душа его черна как сажа.

Ее фраза: «Сэр, вы не джентльмен!» – была прямым продолжением других: «Надеюсь, вы удовлетворены?» и «Неужели у вас нет стыда?»

Ни один достаточно умный и вменяемый взрослый человек не будет настолько многословен, не говоря уже о банальности выражений. Либо бедняжка чересчур много времени проводила в театре, либо убедила себя, что похожа на персонажа одного из этих ужасных романов, которые в последнее время вошли в моду.

Хью уже вознамерился повернуться и уйти, но, судя по безумным глазам, она могла последовать за ним, а он в последнее время совсем не был самым быстрым и проворным лисом в любой охоте, так что лучше встретить проблему лицом к лицу.

– Вы нездоровы? – спросил он осторожно. – Может, хотите, чтобы я разыскал и привел к вам кого-то?

Она была явно зла, что-то бормотала, заикаясь, а лицо так

покраснело, что это было видно даже в тусклом свете настенных бра.

– Вы... вы...

Он незаметно отступил, на случай, если ей придет в голову плевать: судя по ее виду, осторожность не помешает.

– Может, вам лучше присесть? – предложил Хью, показывая на ближайший диванчик в надежде, что она не попросит помочь ей туда добраться. Его силы были далеко не те, что прежде: в любой момент он мог потерять равновесие.

– Четырнадцать мужчин, – прошипела незнакомка.

Он даже не осмеливался предположить, что она имеет в виду.

– Вы знали это? – Девушка почти кричала, голос ее дрожал. – Четырнадцать!

– А я всего лишь один, – откашлявшись, заметил Хью.

Последовала минута молчания – минута благословенного молчания, – и наконец она заговорила:

– Вы не знаете, кто я, верно?

Хью присмотрелся пристальнее. Девушка показалась знакомой, но, если честно, он ее не помнил. Хью не часто бывал в обществе, а со временем каждое лицо кажется знакомым.

Останься он на балу чуть подольше, узнал бы ее имя, но он пробыл в зале не больше нескольких минут. Лицо Чарлза Данвуди побелело, когда Хью поздравлял его, так что пришлось задаться вопросом, уж не потерял ли он последнего в Лондоне друга.

Все прояснилось, когда Чарлз отвел его в сторону и сообщил, что здесь присутствуют мать и сестра Дэниела Смайт-Смита. Он не попросил Хью удалиться, но оба сознавали, что это необходимо. Хью немедленно откланялся и ретировался. Он причинил этим женщинам достаточно боли, так что присутствие стало бы наглостью с его стороны.

Тем более что танцор из него теперь никудышный.

Как назло, разболелась нога, и проталкиваться сквозь ряды экипажей, чтобы найти кеб, совсем не было сил, поэтому он нашел тихий салон, где надеялся посидеть и отдохнуть в одиночестве.

И вот...

Женщина, нарушившая его уединение, все еще стояла в дверях. Ее ярость была так ощутима, что Хью едва не уверовал в возможность самовозгорания.

– Вы разрушили мою жизнь! – Голос незнакомки больше напоминал шипение.

О чем это она? Он виноват перед Дэниелом Смайт-Смитом и, возможно, его младшей сестрой, но эта мрачная брюнетка явно не Хонория Смайт-Смит. У леди Хонории волосы куда светлее и лицо не столь выразительное, хотя глубочайшие эмоции на лице незнакомки могут быть следствием безумия, а возможно, и пристрастия к алкоголю.

Да, это куда вероятнее! Интересно, сколько бокалов ратафии требуется, чтобы довести до такого состояния женщину весом приблизительно девять стоунов? Хью не знал.

– Сожалею, что расстроил вас, но, боюсь, вы меня с кем-то спутали. Но если я могу чем-то помочь...

Это Хью сказал не потому, что хотел, а потому, что пришлось: она, черт возьми, загородила ему путь, но явно не понимала, что следует посторониться.

– Да, можете, если уберетесь из Лондона! – Ее слова подошли на плевки.

Он попытался не застонать. Это становилось утомительным.

– Или из этого мира, – прибавила она ядовито.

– О, ради всего святого! – воскликнул он.

Кто бы она ни была, его терпение лопнуло, и он больше не считал нужным вести себя в ее присутствии как джентльмен!

– Пожалуйста, – поклонился он с подобающим случаю сарказмом, – позвольте мне убить себя по вашему нежному требованию, о, неизвестная женщина, которой я испортил жизнь.

Ее рот сам собой открылся. Вот и хорошо. Она потеряла дар речи.

Наконец-то!

– Буду счастлив исполнить ваше желание, как только уберетесь с дороги!

Его голос поднялся до рыка – по крайней мере, его представления о рыке, – хотя был скорее злобным ворчанием. Он со стуком поставил трость на пустое место слева от нее в надежде убедить ее посторониться.

Ее вздох словно высосал воздух из комнаты, а драматическому возгласу позавидовала бы любая актриса Друри-Лейн.

– Вы мне угрожаете?

– Пока еще нет.

– Не удивлюсь, если попытаетесь.

– Никогда! – заверил он, прищурившись.

Она громко ахнула, продолжая вживаться в роль оскорбленной юной леди.

– Вы, сэр, не джентльмен!

– Это мы уже установили, – отрезал Хью. – А теперь... я голоден, устал и хочу отправиться домой. Вы, однако, загорделивы, устали и хотите отправиться домой.

Она скрестила руки на груди и выпрямилась.

Хью наклонил голову, оценивая ситуацию.

– Из ситуации, похоже, два выхода: или вы посторонитесь, или мне придется отодвинуть вас с дороги.

– Интересно, как у вас это получится! – фыркнула нахалка.

– Вспомните, я не джентльмен!

– Зато у меня ноги здоровые! – с усмешкой заявила незнакомка.

Он любовно погладил трость:

– У меня есть оружие.

– Я достаточно проворна, чтобы увернуться!

Хью торжествующе улыбнулся:

– Да, но как только вы двинетесь с места, я смогу беспре-

пятственно уйти. – Он красноречиво покрутил свободной рукой. – Я сразу же уеду, и если на небе есть Бог, никогда больше вас не увижу.

Она не подвинулась, но вроде бы слегка подалась вбок, так что Хью воспользовался возможностью, убрал трость и протиснулся к двери. Ему следовало бы уйти подальше. Но тут она завопила:

– Я точно знаю, кто вы, лорд Хью Прентис!

Он остановился, медленно выдохнул, но не повернулся, а она объявила:

– Я леди Сара Плейнсуорт!

Он в который раз пожалел, что не умеет лучше разбираться в интонациях женских голосов. Было нечто такое в ее тоне, что он не совсем понимал: некоторая запинка, словно у нее вот-вот перехватит горло. Он не знал, что это означает. Но понимал – и для этого не нужно было видеть ее лицо, – чего от него ждут: узнавания. И как бы он ни сожалел, что это имя ему хорошо знакомо, ничего изменить нельзя.

Леди Сара Плейнсуорт, двоюродная сестра Дэниела Смайта-Смита. Если верить Чарлзу Данвуди, она громогласно изливала свою ярость из-за исхода дуэли, гораздо эмоциональнее, чем мать и сестра Дэниела, которые, по мнению Хью, имели куда больше на это прав.

Хью обернулся. Леди Сара стояла всего в нескольких футах от него, напряженная и разгневанная: руки сжаты в кулаки, подбородок выдвинут, – как упрямый ребенок.

– Леди Сара... – начал Хью со всей необходимой учтивостью. Она кузина Дэниела, и, несмотря на все, что произошло в последние минуты, он преисполнился решимости отнестись к ней со всем уважением. – Официально нас друг другу не представляли.

– В этом вряд ли есть необхо...

– Но тем не менее, – перебил Хью, прежде чем услышал очередное мелодраматическое заявление, – я знаю, кто вы.

– Сомневаюсь, – пробормотала Сара.

– Вы кузина лорда Уинстеда, – уточнил Хью. – Я знаю ваше имя, хотя никогда вас не видел.

Она кивнула – первый жест, хоть как-то напомнивший об учтивости, – а когда заговорила снова, тон тоже был более сдержанным, пусть и ненамного.

– Вам не следовало приезжать сюда сегодня.

– Я знал Чарлза Данвуди более десяти лет, – помолчав, сказал Хью. – Вот и решил поздравить его с помолвкой.

Похоже, это ее не впечатлило.

– Ваше присутствие крайне расстроило моих родственниц – кузину и тетю.

– Покорнейше прошу извинить меня за это.

Он и в самом деле сожалел и делал все, чтобы исправить ситуацию. Но не мог объясниться со Смайт-Смитами, пока его усилия не увенчаются успехом. Было бы жестоко вселять надежду в членов семьи Дэниела. Кроме того, трудно предположить, как они примут его, если он нанесет им визит.

– Вы просите извинения? – презрительно бросила Сара. – Ушам своим не верю.

Хью снова помолчал. Ему не хотелось отвечать на провокацию немедленным взрывом. Он никогда так не поступал, что делало его поведение с Дэниелом еще более странным. Если бы он не пил, наверняка вел бы себя разумнее и ничего бы этого не произошло. И он уж точно не стоял бы здесь, в темном углу родительского дома Чарлза Данвуди, в обществе женщины, очевидно, искавшей Хью только затем, чтобы обрушить на его голову оскорбления.

– Можете верить всему, что хотите, – ответил он, поскольку вовсе не был обязан с ней объясняться.

Несколько мгновений оба молчали, после чего леди Сара процедила:

– Они ушли. На случай, если это вам интересно.

Он вопросительно склонил голову набок.

– Тетя Вирджиния и Хонория, – пояснила леди Сара. – Уехали, как только узнали, что вы здесь.

Хью не понял, что она хотела сказать своим заявлением. Ему следует почувствовать себя виноватым? Они хотели остаться на балу? Или это было очередным оскорблением? Возможно, леди Сара пыталась сказать, что он настолько отврагителен, что ее родственники не смогли вынести его присутствия?

Хью предпочел не отвечать, чтобы ненароком не сказать что-нибудь не то, но какая-то мысль беспокойно шевелилась

в мозгу, нечто вроде головоломки, скорее даже вопрос, на который не нашлось ответа. Это было так странно и невероятно, что ему просто необходимо было этот ответ знать, поэтому он спросил:

– О каких четырнадцати мужчинах шла речь?

Губы леди Сары сложились в жесткую полоску, лицо вмиг помрачнело.

– Когда вы впервые увидели меня, – напомнил Хью, хотя был уверен, что она прекрасно знает, о чем идет речь, – сказали что-то насчет четырнадцати мужчин.

– Не важно, – отмахнулась она, но при этом чуть отвела глаза.

Она лжет? Или стыдится? Возможно, и то и другое.

– Именно четырнадцать.

Да, он педантичен, но она уже испытала его терпение всеми возможными способами, кроме математических. Четырнадцать не равно нулю, но главное – зачем упоминать то, о чем не желаешь говорить? Если она не намерена объяснить свое замечание, могла бы с таким же успехом держать свои слова при себе.

Сара поспешно отступила:

– Пожалуйста, уходите!

Он не двинулся с места. Она подогрела его любопытство, а в этом мире не было никого более настойчивого, чем Хью Прентис с вопросом, на который не получен ответ.

– Весь последний час вы требовали, чтобы я посторонни-

лась, – процедила Сара.

– Пять минут, – поправил Хью. – Но как бы ни хотелось мне оказаться в покое и безопасности собственного дома, все же меня разбирает любопытство относительно ваших четырнадцати мужчин.

– Это не мои четырнадцать мужчин! – рявкнула она.

– Надеюсь, что нет, хотя нельзя сказать наверняка.

Она открыла было рот, но он быстро добавил:

– Расскажите же о них.

– Я уже говорила, – повторила Сара, заливаясь краской, – что это не имеет значения.

– Но я сгораю от любопытства. Эти четырнадцать мужчин... их что, пригласили на ужин? На чай? Для крикетной команды многовато, но...

– Прекратите! – взорвалась Сара.

Он вскинул бровь, но замолчал.

– Если вам так хочется знать, – прошипела она яростно, – в сезоне тысяча восемьсот двадцать первого года четырнадцать мужчин объявили о помолвке!

Последовала очень долгая пауза. Хью не был тугодумом, но сейчас понятия не имел, что это означает.

– И что, все четырнадцать женились? – осведомился он вежливо. Она уставилась на него. – Вы сказали, что они были помолвлены.

– Это не важно.

– Думаю, важно. Для них.

Он думал, что с театральными эффектами покончено, но леди Сара издала крик досады:

– Вы ничего не понимаете!

– О, ради всего свя... .

– Вы хоть представляете, что наделали? Пока вы сидите в своем уютном лондонском доме...

– Заткнись! – бросил Хью, не осознавая, что произнес это вслух. Ему всего лишь хотелось, чтобы она прекратила, прекратила все: говорить, спорить.

Но не тут-то было: она выступила вперед и с убийственно злобным взглядом прошипела:

– Знаете ли вы, сколько жизней разрушили?

Он судорожно вздохнул. Воздух, ему нужен воздух! И он не обязан выслушивать все это. Во всяком случае, от нее. Хью точно знал, сколько жизней разрушил, но уж ее жизнь в это число не входила.

– Неужели у вас нет совести? – никак не желала она успокаиваться.

И он наконец не выдержал: забыв о больной ноге, выступил вперед, пока не оказался нос к носу с Сарой, заставил ее отступить к стене и процедил со всей яростью, на которую оказался способен:

– Вы меня совсем не знаете. Не знаете, о чем я думаю, что чувствую и в каком аду живу. В следующий раз, когда почувствуете себя несправедливо обиженной, вы, у которой даже фамилия не Уинстед, сделайте одолжение: вспомните,

что одна из жизней, которые я разрушил, – моя собственная.

Высказавшись, он отступил и учтиво пожелал ей доброй ночи.

На секунду ему показалось, что разговор наконец закончен, но тут она сказала то единственное, что могло оправдать ее в его глазах:

– Они моя семья.

Он зажмурился.

– Они моя семья, а вы их смертельно ранили. За это я никогда вас не прощу.

«Я себя тоже...»

Глава 4

Наступило редкое мгновение, когда молчание воцарилось на собрании кузин Смайт-Смит, но именно так и случилось, после того как лорд Хью учтиво поклонился и покинул гостиную.

Пять оставшихся дам – четыре сестры Плейнсуорт и Хонория – несколько секунд не произносили ни слова, переглядываясь в ожидании, пока пройдет приличествующее случаю время: посторонний мог почти слышать, как они отсчитывают мгновения.

И действительно, когда Сара мысленно досчитала до десяти, Элизабет объявила:

– Что же, это было не слишком деликатно.

– О чем ты? – обернулась Хонория.

– Ты пытаешься свести Сару и лорда Хью, не так ли?

– Разумеется, нет! – воскликнула Хонория, но возмущенный вопль Сары был куда громче.

– А следовало бы! – радостно захлопала в ладоши Френсис. – Мне очень нравится лорд Хью. Конечно, он бывает немного чудаковат, зато умен и очень хороший стрелок.

Последнее замечание привлекло взгляды всех присутствующих.

– Он ранил кузена в плечо, – пояснила Френсис. – Дэниел так сказал.

– Не представляю, как можно было вообще это обсуждать, – возмутилась Хонория, – и ничего не хочу слышать, особенно перед свадьбой. – Она решительно обратилась к Саре: – Я хотела просить тебя об одолжении...

– Пожалуйста, скажи, что это никак не связано с Хью Прентисом.

– Это связано с Хью Прентисом, и мне нужна твоя помощь.

Сара вздохнула с театральным драматизмом. Она обязательно исполнит просьбу Хонории, и обе это знали, но даже если и была готова сдаться без борьбы, то уж никак не без жалобы.

– Я очень боюсь, что сэръ Хью будет неловко чувствовать себя в Фенсморе.

Сара не нашла ничего предосудительного в этом заявлении: если даже и так, то это вряд ли ее проблема, и к тому же он это заслужил, – но все же решила проявить дипломатичность в соответствии с обстановкой:

– Думаю все дело в том, что он не слишком общителен.

– А мне кажется более вероятным, что он попросту застенчив, – возразила Хонория.

Харриет, все еще сидевшая у письменного стола, восторженно охнула.

– Мрачный герой. Самый загадочный тип мужчины! Я изображу его в своей пьесе!

– Той, что с единорогом? – поинтересовалась Френсис.

Харриет показала пером на Сару:

– С героиней, которая ни слишком розова, ни слишком зелена.

– Он подстрелил твоего кузена! – рывкнула Сара, круто разворачиваясь лицом к младшей сестре.

– Это было сто лет назад! – протянула Харриет.

– И он наверняка сожалеет, – добавила Френсис.

– Помолчала бы: в твои одиннадцать еще рано судить о характере мужчины, – резко оборвала ее Сара.

Френсис парировала, хитро прищурившись:

– Зато не рано судить о твоём.

Сара перевела взгляд с сестер на Хонорию. Неужели никто не понимает, как он ужасен? Уже забыли, что он едва не уничтожил семью? Он кошмарен. Стоило поговорить с ним две минуты...

– Он часто чувствует себя не в своей тарелке в людных местах, – признала Хонория, бесцеремонно вторгаясь в полные негодования мысли Сары. – Стало быть, надо сделать все, чтобы он чувствовал себя здесь как дома. Я... – Оглядев комнату, девушек, наблюдавших за ней с нескрываемым интересом, она осеклась было, но потом сказала: – Прошу меня простить.

Подхватив под руку, Хонория вывела Сару из гостиной и потащила по коридору в другую комнату.

– Я что, должна теперь нянчиться с Хью Прентисом? – взорвалась Сара, как только кузина закрыла дверь.

– Конечно, нет! Но я прошу тебя сделать все, чтобы он почувствовал себя желанным гостем, хотя бы сегодня вечером.

Сара издала стон негодования, а Хонория как ни в чем не бывало продолжила:

– Думаю, он весь вечер простоит в углу, один.

– А может, ему так нравится...

– Но ты любого умеешь разговорить, – настаивала Хонория. – Всегда найдешь что сказать.

– Только не ему.

– Ты ведь даже не знаешь его! Неужели он так ужасен?

– Конечно, мы с ним встречались: вряд ли в Лондоне остался хоть один человек, с кем я не была бы знакома, но он мне кажется таким жалким...

– Я не сказала, что вы не знакомы, я сказала: ты его не знаешь, – поправила Хонория. – Это не одно и то же.

– Если ты решила придирается к пустякам, так и быть, – неохотно пробормотала Сара.

Хонория чуть склонила голову, давая понять, что вся внимание.

– Я его не знаю, но встреча наша была не особенно приятной, хотя все последние месяцы я старалась быть дружелюбной.

Хонория недоверчиво хмыкнула.

– Но это так! – запротестовала Сара. – Не могу утверждать, что пыталась так уж усердно, но должна тебе сказать, что этого человека не назовешь блестящим собеседником.

Хонория едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться, и это лишь подогрело раздражение Сары:

– Я пыталась с ним поговорить, как это принято в светском обществе, но он никогда не отвечает так, как следует.

– А как следует? – поинтересовалась Хонория.

– В его присутствии мне не по себе, – призналась Сара. – И я совершенно уверена, что он меня терпеть не может.

– Не говори ерунду, – отмахнулась Хонория. – Тебя все любят.

– Нет, это тебя все любят: я же лишена твоей доброты и чистоты сердца.

– О чем ты?

– Всего лишь о том, что ты в каждом человеке ищешь лучшее. У меня более циничный взгляд на мир. – Сара помолчала. Какие слова найти? – На свете есть люди, которые находят меня крайне неприятной.

– Неправда! – воскликнула Хонория, но скорее механически.

Сара была совершенно уверена: если бы кухне дали больше времени, чтобы обдумать ее заявление, та поняла бы, что это правда, хотя все равно ответила бы то же самое, поскольку была на удивление преданной.

– Это правда, – кивнула Сара, – но меня это не особенно волнует, особенно в отношении лорда Хью, учитывая, что я испытываю к нему те же чувства.

Осознав слова кузины, Хонория закатила глаза, не так уж

картинно, но Сара слишком хорошо знала ее, чтобы не понять смысл жеста: добрая и мягкая, она была явно близка к истерике.

– Думаю, тебе стоит дать ему шанс, – сказала наконец Хонория. – Ты никогда не беседовала с ним по-настоящему.

Еще бы, мрачно подумала Сара. Дело едва не дошло до драки! И она уж точно не знала, что ему сказать. Ей становилось плохо каждый раз, когда она вспоминала их встречу на празднике по случаю помолвки Данвуди. Она только и делала, что говорила банальности. И, кажется, даже топнула ногой. Он, возможно, посчитал ее полной идиоткой, и, по правде говоря, она и сама считала, что вела себя как таковая.

Впрочем, ей все равно, что он о ней думает: не стоит придавать слишком большого значения его мнению, – но в тот ужасный момент в библиотеке Данвуди несколькими короткими словами Хью Прентис низвел ее до личности, которая ей не слишком нравилась.

И это было непростительно.

– Не мне указывать тебе, с кем ладить, а с кем нет, – продолжила Хонория, после того как стало ясно, что Сара не собирается отвечать. – Но уверена, что ты сможешь найти в себе силы вынести общество лорда Хью хотя бы день.

– Сарказм тебе идет, – с подозрением заметила Сара. – Когда только ты этому научилась?

– Я знала, что могу на тебя положиться, – улыбнулась Хонория.

– Разумеется, – пробормотала Сара.

– Не так уж он и неприятен. Если честно, мне он нравится.

И я считаю, что он довольно красив.

– Мне нет дела до его внешности.

Хонория ухватилась за сказанное:

– Значит, ты все-таки заметила, что он красив.

– Я этого не говорила. – парировала Сара. – И если ты пытаешься играть в сваху...

– Вообще нет! – Хонория подняла руки, будто сдаваясь: – Клянусь, я просто пошутила. У него очень славные глаза.

– Он нравился бы мне куда больше, будь у него лишний палец на ноге, – буркнула Сара.

– Лишний... что?!

– Да, но глаза у него действительно славные, – поспешно подтвердила Сара. И это правда: очень красивые, зеленые как трава и поразительно умные.

Но красивые глаза еще не причина выходить замуж за их обладателя, и нет, она не рассматривала каждого холостяка через призму годности к браку... Ну, скажем, не очень пристально и определенно не его, но было ясно, что, несмотря на все протесты, Хонория думала именно об этом.

– Хорошо, но только ради тебя, – сдалась наконец Сара, – поскольку, ты знаешь, ради тебя я готова на все. Если надо броситься под колеса экипажа – только скажи...

Она помедлила, давая Хонории время переварить услышанное, прежде чем продолжить, картинно взмахнув рукой:

– И уж коли пока мне не понадобится жертвовать собственной жизнью, уж точно соглашусь на любой поступок.

Хонория непонимающе уставилась на кухню.

– Ну, ведь ты хотела, чтобы я сидела рядом с Хью Прентисом на твоём свадебном завтраке.

Хонория не сразу поняла, о чем речь.

– А, ну да... логично.

– И, кстати, готова терпеть его общество два дня, а не один.

Хонория великодушно улыбнулась:

– В таком случае ты будешь развлекать лорда Хью этим вечером перед ужином?

– Развлекать? – язвительно переспросила Сара. – Как? Танцевать? Ты ведь знаешь: играть на фортепьяно я не собираюсь.

Хонория, рассмеявшись, направилась к двери и по пути заметила:

– Только будь собой: очаровательной и милой, – и он полюбит тебя.

– Не дай бог!

– Пути Господни неисповедимы...

– А порой чудны...

– Думаю, леди...

– Только не произноси этого вслух! – воскликнула Сара.

Хонория вскинула брови:

– Шекспир определенно знал, о чем говорил.

Сара бросила в подругу подушку, но промахнулась: сегодня явно не ее день.

На вечер того же дня Чаттерис назначил состязания по стрельбе, и поскольку это был один из немногих видов спорта, в котором Хью мог участвовать, за полчаса до назначенного времени он отправился на южный газон. Нога по-прежнему не сгибалась, и даже с тростью он шел медленнее обычного. Конечно, были средства для облегчения боли, но мазь, прописанная доктором, пахла омерзительно. Что же касается опиума... он притуплял рассудок, а этого Хью совсем не мог вынести.

Оставалось только бренди: пара рюмок расслабляла мышцы и подавляла боль. Он теперь редко позволял себе излишества: стоило лишь вспомнить о том, что случилось в последний раз, когда напился! – и старался не пить по крайней мере до вечера. Те несколько раз, когда срывался и позволял себе напиток, вызывали у него неприязнь к самому себе.

У него теперь имелись новые способы измерить свою силу воли: делом чести стало дожить до заката, сражаясь с болью только с помощью самовнушения.

Труднее всего было одолеть лестницу, и он остановился на площадке передохнуть. Может, не стоило во все это ввязываться? Он не прошел и полпути до южного газона, а в бедре уже ощущалась знакомая глухая пульсация. Разумнее было бы повернуться и уйти к себе, но, черт возьми, так хотелось

пострелять! Хотелось взять в руку пистолет, поднять, прицелиться, а потом нажать на спусковой крючок и ощутить отдачу в плече, но больше всего хотелось попасть в чертово яблочко!

Да, ему не чужд дух соперничества – он мужчина в конце концов! Конечно, пойдут шепотки: ни от кого не ускользнет, что Хью Прентис держит пистолет в присутствии Дэниела Смайта-Смита, – но насколько бы это ни казалось странным, Хью не мог дожидаться, когда это произойдет, как и Дэниел.

– Десять фунтов на то, что мы повергнем общество в обморок, – объявил Дэниел за завтраком, сразу после того как прекрасно изобразил одну из патронесс «Олмак»: пищал фальцетом, прижимал руку к сердцу, изображая возмущение.

– Десять фунтов? – пробормотал Хью, глядя на него поверх чашки с кофе. – За меня или за тебя?

– За каждого, – ухмыльнулся Дэниел. – Маркус свидетель. Маркус Холройд благоразумно промолчал и вернулся к своей яичнице.

– В своем почтенном возрасте он становится настоящим сухарем, – заметил Дэниел.

Нужно отдать Маркусу должное: он всего лишь закатил глаза, – а Хью улыбнулся, осознав, что впервые за последнее время пришел в такое прекрасное расположение духа. Если джентльмены собираются стрелять, он обязательно к ним присоединится!

Ушло не меньше пяти минут на то, чтобы спуститься на первый этаж, и, оказавшись там, он решил, что будет лучше пройти через один из многочисленных салонов Фенсмора, вместо того чтобы идти долгим окружным путем.

Гостиная не была слишком большой: всего несколько стульев и кресел. Одно, с голубой обивкой, показалось ему достаточно удобным. Он не заглянул через спинку дивана, стоявшего напротив, но, возможно, там есть низкий столик, так что можно будет присесть, вытянуть ногу и хоть немного отдохнуть.

Хью подошел ближе, но, должно быть, замешкался, и трость ударилась о край стола, отчего его колено тоже задело край стола, что, в свою очередь, привело к цепочке затейливых ругательств, сорвавшихся с его губ, когда он повернулся, чтобы сесть.

Именно в этот момент он заметил уснувшую на диване Сару Плейнсуорт.

Проклятье!

У него был довольно приятный день, невзирая на боль в ноге, и не хотелось портить его общением с ужасно мелодраматичной леди Сарой. Она, возможно, обвинит его в очередном преступлении, сопровождая каждую фразу признанием в ненависти, после чего добавит что-нибудь о тех пресловутых четырнадцати мужчинах...

Он все еще понятия не имел, что все это значит. И почему он это вспомнил? У него всегда была хорошая память, и, к

сожалению, его мозг не всегда мог отрешиться от бесполезной информации.

Нужно каким-то образом пройти по комнате, не потревожив леди Сару. Не так-то легко идти на цыпочках с тростью, но, видит Бог, он готов: лишь бы остаться незамеченным.

Рухнули его надежды посидеть и отдохнуть.

Хью как мог осторожно отошел от низкого деревянного столика, стараясь ничего не касаться, но, как известно всякому, воздух способен двигаться. Очевидно, он слишком тяжело дышал, потому что, прежде чем успел пройти мимо дивана, леди Сара очнулась от дремоты с таким визгом, что от неожиданности он споткнулся об очередное кресло, перелетел через затянутый чехлом подлокотник и неуклюже приземлился на сиденье.

– Кто... Что... Что вы делаете? – Она быстро заморгала, прежде чем пронзить его взглядом. – Вы?!

Это прозвучало как обвинение.

Хью выругался себе под нос, пытаясь снять ноги с подлокотника.

– Простите... вот споткнулся о стол.

– Зачем?

– Я не нарочно, – выдавил он.

Она, похоже, только сейчас осознала, в сколь двусмысленной ситуации оказалась, и поспешила принять более пристойную позу.

Хью заметил, что темные пряди выбились у нее из при-

чески, но решил, что лучше об этом не упоминать, чтобы не смутить ее еще больше.

– Пожалуйста, примите мои извинения, – процедил он сухо. – Я не хотел вас пугать.

– Я читала... должно быть, задремала. – Она снова заморгала, а когда наконец ее взгляд сфокусировался на нем, подозрительно заинтересовалась: – Вы что, подкрадывались ко мне?

– Нет, – заверил ее Хью – возможно, чуть более поспешно и горячо, чем позволяли правила приличия, – и кивнул в сторону двери. – Я просто проходил через комнату: лорд Чаттерис решил устроить состязания по стрельбе на южном газоне, и этот путь туда самый короткий.

– Вот как?

Еще секунду она смотрела на него с подозрением, а затем подозрение уступило место смущению.

– Конечно. С какой стати вы стали бы подкрадываться ко мне... – Она откашлялась. – Итак...

– Итак?..

Сара чуть помолчала, прежде чем спросить:

– Вы не собираетесь продолжить путь?

Он молча уставился на нее, и она сочла нужным уточнить:

– Стрелять, на газон.

Хью пожал плечами:

– Еще рано.

Похоже, ей было безразлично, что он ответит.

– Очень неплохо подышать свежим воздухом. Там так приятно.

Он выглянул в окно:

– Совершенно верно.

Сара явно пыталась избавиться от него и, вероятно, заслуживала определенного уважения за то, что не желала даже скрывать этого. С другой стороны, сейчас, когда она проснулась, а он сидел в кресле, вытянув ногу, казалось, нет причин спешить: в течение десяти минут он может вытерпеть все, что угодно, – даже Сару Плейнсуорт.

– Собираетесь стрелять? – спросила она.

– Собираюсь.

– Из пистолета?

– Как обычно.

Ее лицо словно окаменело.

– И вы считаете это приличным?

– Хотите сказать, при вашем кузене? Уверяю: у него тоже будет пистолет, – невесело усмехнулся Хью. – Это будет почти как дуэль.

Он позволил себе посмотреть ей прямо в глаза.

– Когда альтернативой становится отчаяние, я предпочитаю юмор... даже если это юмор висельника.

Что-то блеснуло в ее глазах. Тень понимания? Возможно, но она слишком быстро промелькнула, чтобы быть уверенным, что ему не показалось. А потом леди Плейнсуорт поджала губы с таким чопорным выражением, что стало ясно:

это кратчайшее мгновение сочувствия он себе просто вообразил.

– Хочу заявить, что не одобряю ваше намерение.

– Я вас услышал.

– И... – Она вскинула подбородок и чуть дернула плечом. – Думаю, это очень плохая мысль.

– Вы уже высказали свое неодобрение.

Она насупилась, и тут его осенило:

– Достаточно ли, по-вашему, эта мысль плоха, чтобы лишиться чувств?

– Что? – встрепенулась леди Сара.

– Если упадете в обморок на газоне, то Чаттерису придется отдать нам с Дэниелом по десять фунтов.

Рот Сары округлился в удивленном «О-о!..» и застыл в этом положении, а Хью откинулся на спинку кресла и лениво улыбнулся:

– Готов отдать вам двадцать процентов, если будете очень убедительны.

Губы ее наконец пошевелились, но оттуда не вырвалось ни звука. Черт, до чего же забавно ее дразнить!

– Впрочем, не важно, – добавил Хью. – Все равно ничего не получится.

Ее рот наконец закрылся, потом снова открылся. Ну конечно. Ему следовало знать, что долго она молчать не сможет, и он не ошибся:

– Вы меня презираете!

– Вовсе нет, – уклончиво ответил Хью, решив не лгать, но и не говорить оскорбительную правду.

– А я не люблю вас.

– Не сомневаюсь. Да и с какой стати вам меня любить...

– Так почему вы здесь?

– На свадьбе?

– В этой комнате. Господи! Вы еще и тугодум!..

Последняя фраза была сказана себе под нос, но у Хью всегда был превосходный слух.

– Дело в ноге, – пояснил он спокойно. Хью редко козырял своим увечьем, но сейчас, похоже, самое время. – Болит.

Последовало восхитительное молчание. Восхитительное для него. Для нее, вероятно, это было сущим кошмаром.

– Простите, – проямлила она, опуская голову, прежде чем он сумел разглядеть ее багровые от стыда щеки. – Это было крайне бестактно с моей стороны.

– Ничего страшного. Вы говорили кое-что и похуже.

Она вспыхнула, он сложил кончики пальцев наподобие треугольника и спокойно произнес:

– Я с весьма неприятной точностью помню нашу предыдущую встречу.

Она в ярости подалась вперед:

– Из-за вас моя тетя и кузина покинули бал!

– Они сбежали, в то время как я даже не знал об их присутствии.

– А следовало бы.

– Ясновидение никогда не входило в число моих талантов. Он видел, что она сдерживается из последних сил.

– Знаю, что вы с кузенном Дэниелом уладили свои разногласия. Мне очень жаль, но я не могу простить вас.

– Даже если он простил? – тихо спросил Хью.

Сара неловко переступила с ноги на ногу, на лице сменилась череда самых разных выражений, прежде чем наконец сказала:

– Он может позволить себе быть милосердным: к нему вернулась жизнь.

– А к вам нет.

Это не было вопросом – скорее утверждением, причем весьма холодным, без всякого участия.

Она прямо-таки онемела.

– Скажите, – потребовал Хью довольно жестко, потому что, черт возьми, давно пора выяснить отношения, – что я сделал именно вам? Не вашему кузену, не вашей кухне, но именно вам, леди Сара Плейнсуорт.

Она окинула его высокомерным взглядом, прежде чем подняться:

– Я ухожу.

– Трусиха, – обронил Хью, но тоже встал: даже такая невежда заслуживает почтения настоящего джентльмена.

– Ладно, – прошипела Сара, полыхая румянцем гнева. – Мой дебют должен был состояться в тысяча восемьсот двадцать первом.

– В год четырнадцати завидных женихов.

Да, правда: у него завидная память, – но она проигнорировала его слова.

– После того как вы выгнали Дэниела из страны, моя семья тоже была вынуждена удалиться в изгнание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.